

Научная сессия СПбИИ РАН – 2022
Тезисы участников
Отдел Всеобщей истории

Д.В. Кейер

**Интерпретация свидетельств о сабинском поместье Горация у И. М. Гревса,
М. И. Ростовцева и Ф. Ф. Зелинского**

Рецензия Ф. Ф. Зелинского (1900) на труд И. М. Гревса о сабинском поместье Горация (1899) содержит тонкие критические замечания вкупе с яркими высказываниями в защиту единства историко-филологического метода. В частности, он показал, что заключения Гревса о наличии в поместье виноградников и оливковых плантаций основаны на спорном толковании пассажей из «Посланий» I, 16; I, 14 и I, 8.

Так, в 16-м послании первой книги Гораций предваряя рассказ о поместье, отвергает предполагаемый вопрос адресата («не спрашивай меня, кормит ли меня поместье пашнями, оливами, плодами, лугами или виноградной лозой»). Заключение Гревса о том, что все перечисленное в вопросе в действительности имелось в хозяйстве Горация, необоснованно. Структура и содержание послания предполагают другое: упоминание потенциальных материальных выгод призвано подчеркнуть, что они меркнут в сравнении с приятным климатом и ландшафтом поместья. (Подразумеваемый ответ на выдвинутый вопрос: «Это не важно»; исторических выводов отсюда сделать нельзя).

В 8-м послании упоминание ущерба домашнему хозяйству («Я грустен не потому, что градом побит виноград или жара сгубила оливы...») не обязательно понимать как прямое свидетельство о сабинском поместье: это лишь общий пример материальных проблем, которые в принципе могут приносить людям огорчение.

Наконец, в послании 14 прямо говорится о том, что в поместье скорее вырастет перец и ладан, чем виноград; попытка Гревса истолковать это таким образом, что виноград выращивался, но с трудом, выглядит неправдоподобно. Ода I, 20, где Гораций обещает угостить Мecenата самолично запечатанной в памятный день амфорой с сабинским вином, допускает возможность того, что это было вино домашнего разлива, но не домашнего производства.

В знаменитой монографии М. И. Ростовцева «Социальная и экономическая история Римской империи» (1926) сабинское поместье Горация изображается типичным поместьем средней руки; при этом Ростовцев, ссылаясь на Гревса, вслед за ним считает часть поместья, не сдававшуюся внаем, многопрофильным хозяйством, содержащим в т.ч. виноградники и плодово-овощной сад; тем самым он не учитывает возражения Зелинского и, возможно, преувеличивает многопрофильность хозяйства Горация и объем ее продукции.

Аналогичные ошибки в интерпретации свидетельств Горация о сабинском поместье допускали и другие ученые. Здесь видна психологическая особенность исторического и филологического подхода к письменным свидетельствам. Историк психологически предрасположен к тому, чтобы извлечь из текста непосредственное историческое свидетельство, тогда как филолог нацелен на поиск возможных альтернативных интерпретаций и скорее склонен испытывать колебания в исторических выводах из текста.

Тезис Зелинского о единстве историко-филологического метода сохраняет в наши дни методическую ценность: в условиях фактического разделения истории и филологии историк не обязан вдаваться во все трудности толкования текстов, но должен учитывать достижения филологии.

А.К. Гаврилов

«Размышления» Марка Аврелия: композиция и публикация (ок. 180г. н. э.)

Свитку с философскими медитациями имп. Марка Аврелия (в Новое время их нередко называют «Размышлениями»), особое название не было нужно; *помета* Τὰ εἰς ἑαυτὸν или Τὰ καθ' αὐτόν, т. е. «Для себя», «Мои записи» и т.п., стоявшая на ярлычке, прикрепленном к свитку - не заголовок, а подсказка для отыскивающего этот свиток среди других. Хронологические и географические привязки в *Каталоге благодарностей*, как называют иногда первую из 12 «книг» (главок), приходится угадывать с помощью косвенных соображений. Обычно исследователи датируют *Размышления* 70ми годами - второй половиной 70-х годов 2в. н. э.: 180г. был концом и жизни императора, и Маркоманской войны. Для появления текста с медитациями Марка естественнее всего подходит время, близкое к 180гг. (I, 17, ср. XII, 36).

Займемся имевшимися, наряду с ярлычком, пометами насчет того, *где* заполнялся этот философский дневник. В рукописи cod. Toxitanus (Tox.), судя по ed. princ. (T: 1559, Цюрих), и только в ней, имелись две пометы такого рода: между гл. 1 и 2 стояли слова: Τὰ ἐν Κοῦάδοις πρὸς τῷ Γρανοῦα, т. е. «(написанное) в области квадов близ Грона», как назван здесь сев. приток Дуная лат. Granus, нем. Gran; мадьяр. Garan, словацкое – Hron, представленный на греческий лад. Между гл. 2 и 3 стояла другая запись: Τὰ ἐν Καρνούντω, т. е. «(написанное) в Карнунте», откуда издавна явился вопрос: относить ли каждую из этих записей к предыдущему или же к последующему тексту («книге») императорских заметок? При отнесении каждой из двух помет к *предшествующему* ей тексту (как, поступает, напр., Р.Никель / R. Nickel 1990), получается, что среди германцев-квадов Марк Аврелий писал первую книгу, между тем как помета «в Карнунте» относится к кн. II, между тем как в отношении остальных следует признать, что там помет такого рода нет, как, видимо, и не было. И напротив: в комментарии К. Джилла (vol.1, 87 – 104, 2012) или в русском издании ЛитПам (1985, 1993², где под ред. А.И. Доватура выступали два его ученика: Яан В. Унт и я), географические пометы мыслятся отнесенными не назад, а к книгам, идущим вслед за каждой из помет, т. е. к книгам 2 и 3 соответственно. Названные места лежали сравнительно неподалеку одно от другого. Севернее Дуная в нынешней зап. Словакии Марк Аврелий имел дело с квадами; на южной стороне среднего Дуная лежал Карнунт (ныне: Petronell-Carnuntum), немного выше по течению Дуная – Vindobona (Wien), а южнее этих мест – важный лагерь и городской центр Sirmium. Карнунт, если пересечь Дунай, расположен неподалеку от Грона, зато различие между ними существенно: Карнунт административный центр Паннонии; не так далека уже и Dreikaiserkonferenz 308 г. в нынешнем Bad-Deutsch-Altenburg близ Petronell-Carnuntum, где соберутся тетрархи и откуда явится имп. Септимий Север. Это город с театром на 8 000 мест, амфитеатром, цирком и благоустроенным жилищем для полководца-императора; рядом с военным лагерем, существовавшим к занимающему нас времени полтора столетия, был и лагерь для конницы. «Квадам» - германцам, которые выступали вместе с маркоманами, свебами, сарматами и другими беспокойными соседями Рима, оставалось полтора-два столетия до победы над империей. Пока все они мыслились как Barbaricum, а Columna centenaria Divi Marci et Faustinae (начата строительством при жизни Марка в 176) показывает, что деятельность на северных границах ценилась как трудный успех на благо римского государства.

Спросим себя теперь, начав с плана исторического и житейского, что уместнее было сочинять среди квадов: «Каталог благодарностей» (кн. 1 нынешних изданий Ad se ipsum) или записи, образующие ныне кн.2, не имеющую видимых отличий от последующего массива медитаций и без особой нужды отделенную от книг III - XII, причем как раз начальная (и очевидным образом выбивающаяся из общего ряда кн. I) оставалась не-приуроченной по месту составления. Известно, что дела с квадами шли с переменным успехом, так что и самая жизнь висела иногда на волоске, как случилось 11 июня 172 г., когда римлян спасло «чудо дождя» (так наз. Regenwunder), изображенное на

колонне Марка. В этом случае к военно-полевой столице Паннонии Карнунту относилась бы книга III.

Что касается записок Марка Аврелия, то трудно решить, как должно было действовать на полководца нахождение вблизи от противников - квадов с маркоманами, сарматами и др. в военной обстановке на р. Грон, вряд ли располагавшей к тонким воспоминаниям. Казалось бы, связный, требующий неспешного припоминания и внешне ничуть не окрашенный стоически *Каталог благодарностей* было бы странно составлять в прифронтовых условиях. Скорее уж обычными стойко-риторическими упражнениями, содержащимися в нынешней кн. 2, можно было заняться, уловив минуту в короткое время затишья среди опасностей или, наоборот, в момент, когда опасность миновала и возникло чувство покоя и победы. Тогда первая, так сказать, воинская мотивировка пометы с дислокацией близ квадов как раз хорошо бы увязывалась с тем, что стало для нас первой книгой «Размышлений». Это могла быть автобиографическая заметка, выполненная *перед* опасным сражением или, напротив, перечень ценных жизненных принципов, полученных от других людей за время своей жизни и записанных в знак глубокого умиротворения *после* миновавшей опасности.

Наряду с этими экзистенциальными соображениями можно поставить и соображение техническое, в данном случае относящееся к композиции сочинения и к его кодикологическому рассмотрению, в пору их обработки перед первой, уже посмертной, публикацией. Почему (кроме кн. I - II или II - III) при остальных «книгах» помет не оказалось? - Скорее всего потому, что они все писались то ли в том же Карнунте, что и II или III или – добавим новое, кажется, соображение – там, где Марк Аврелий скончался. А значит либо в Виндобоне, либо близ Сирмия, чего можно было даже не упоминать, так как весной 180г. всем было известно, что последнее время перед своей кончиной император находился в одном из этих мест, притом в условиях, в целом похожих на карнунтские, а не в походной обстановке похода против квадов.

Авторское самолюбие отнюдь не было чуждо Марку Аврелию; он был литературный человек, не лишенный соответствующих личных притязаний. Склонность к словесности в нем успели заложить и успешно развить еще до перехода к эстетическому нигилизму Стои. Не имея сознательной программы украшать свой слог, Марк старался поставить свои словесные устремления на службу стоической системе, вечно доказываяе самому себе ее связность и силу. Поэтому желание закруглить целое, придавая своим заметкам некую завершенность, ощущается у него даже и независимо от волевых решений. Вдоль текста ни сам Марк, ни его искусный, а значит осторожный редактор этого делать не стал – его и занимала, и устраивала литературность фрагментов сама по себе, в своей живописной беспорядочности при работе над языком и над собой.

Точку в тексте Марка поставила сперва сама жизнь, которой он скорее всего распорядился как стоик, после того как увидел, что обстоятельства становятся сильнее его, а потом как весьма искусный, не делающий лишнего редактор. Ведь рядом с императором всегда были секретари, философы и друзья при его «штабе»-дворе. Как раз в этот момент кроме двух помет в начале получающегося «сборника» могло появиться не то чтобы название, но ярлычок с пометкой: *Τὰ εἰς ἑαυτὸν* или *Τὰ καθ' αὐτόν*, с деловым, а не художественным назначением – определить назначение рукописи как физического предмета. Затем *редактор* весьма искусно присоединил к хронологическому по положению и хаотичному тематически дневнику медитаций небольшой и своеобразно набросанный автобиографический портрет императора в качестве первой книги «Размышлений», как их со временем узнали поколения читателей. Это был своеобразный итоговый психолого-биографический очерк, своего рода негатив, на котором светлым выделены контуры, возникшие под влиянием окружающих. Этот портрет сперва существовал скорее всего отдельно, родившись тем или иным образом в тревожной и опасной обстановке среди тревог беспокойной жизни Марка Аврелия. Вторая помета - про Карнунт – относилась, видимо, к кн. II, поскольку именно там была заполнена. Что

касается книг III – XII, то они помет не получили как написанные, (а) может быть, там же, в Карнунте, несколько ранее, в 177 – 179 или (б) как найденные среди вещей «философа на троне» там, где он скончался весной 180г.: то ли в Виндобоне-Вене, то ли в Сирмии, как полагал младший современник императора Тертуллиан.

В.И. Мажуга

Буквенная разметка глосс в юридических рукописях XIII в.

Усложнение общественно-экономических отношений в связи с подъемом городов Италии в XI в. в условиях традиционного действия разных правовых систем для этнических групп населения и, в особенности, в условиях начавшейся борьбы между римской курией и германскими императорами за властные прерогативы явились причиной повышенного интереса к памятникам позднего римского права и постепенного введения его норм в судопроизводство. В течение всего следующего XII столетия совершалась интенсивная работа ученых юристов по сбору и редактуре частей правового свода Юстиниана и одновременно по освоению сложных античных текстов, наполненных необычными реалиями, лексикой и формулами, а главное, включающих и противоречий внутри отложившегося в течение веков нормативного и аналитического материала. Вся эта работа отразилась по преимуществу в виде системы глосс, которые располагались на полях рукописей в зависимости от их функционального назначения и с применением особых знаков для отдельных их типов.

Поскольку ценился каждый список юридического памятника, прошедшего через руки авторитетного юриста, а вместе с тем и все элементы их работы с ним, то при копировании текста памятника ученики и помощники ученого юриста отмечали авторство глосс первыми буквами имен юристов в конце глосс. Списки правовых памятников различаются уже на первый взгляд не только по отражению общей эволюции письма, но и по пластам разновременных глосс, помеченных знаком авторства. Постепенно глоссы чисто филологического свойства, отмеченные особыми так называемыми красными значками, восходившими к византийской традиции, стали исчезать, но глоссы, в которых предлагалось решение юридических казусов, причем часто предельно приближенное к средневековой реальности, стали заполнять все более поле рукописи и к исходу первой четверти XIII в. стали занимать его целиком.

Если в XII в. оформление юридических рукописей не отличалось существенно от тех, что выходили обычно из монастырских скрипториев, то на рубеже XIII в. образованные писцы и иллюминаторы, трудившиеся в Болонье, главном центре преподавания римского права, развили свой стиль оформления юридических рукописей, сделали систему глосс еще более отчетливой, а процесс создания рукописи более дешевым. С незначительным отставанием начались и попытки содержательного упорядочения глосс, их последовательного отбора и дополнения. На этом поприще первым прославился болонский профессор Азо, действовавший в течение тридцати лет в конце XII и в начале XIII. А один из его учеников, Аккурсий, отважился на создание полного аппарата к Корпусу Юстиниана – *Magna glossa* или *Glossa ordinaria*. Основную работу над аппаратом он окончил примерно к 1230 г.

Традиционно глоссы, объяснявшие вопросы права, помечались знаками в виде штрихов, кружков на их концах и точек, в начале толкуемого текста и перед самой глоссой. Так обстоит дело и в рукописях, отразивших начальный этап работы Аккурсия над своим аппаратом. Между тем списки таких рукописей расходились стремительно по Европе, ведь в Болонье учились тысячи студентов. Изучать рукописи с промежуточными редакциями очень трудно. Пример такой рукописи представляет фрагмент *Digestum Vetus* «F. 44» из собрания БАН. Но когда аппарат Аккурсия стал приобретать более законченные очертания, хорошо организованные переписчики книг, ставшие многочисленными в Болонье (их число возросло до нескольких сотен), сумели ввести

указание глосс с помощью последовательного ряда букв латинского алфавита. В новых списках воспроизводилось расположение основного текста и текста глосс, каким оно было в едином образце. Пример такой параллелизма в распределении текста представляют хранящийся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки СПбГУ список «Институций», датированный в Болонье 1259 г., и хранящийся в Научном архиве СПбИИ РАН фрагмент Институций «Карт. 622, № 9.

Теоретики церковного права работали параллельно с теми, кто изучал и комментировал памятники гражданского права, и сами, как известно, были нередко крупными знатоками Корпуса Юстиниана. Все это отразилось в сходном оформлении рукописей, содержащих труды эрудитов из той и другой областей права, равно как и в одинаковой эволюции принципов работы с текстом. Момент перехода к буквенной разметке текста глосс у канонистов, однако, получил более рельефное выражение, ведь такой важнейший свод церковного права, как «Декреталии папы Григория IX» или *Liber Extra*, был создан заново в течение 1227–1234 г. И тут же началась работа Бернарда Пармского над аппаратом к этому своду, тоже получившем название *Glossa ordinata*. Первая редакция появилась к 1141 г, но затем из-под руки того же автора вышли новые редакции, и работа продолжалась до самой его кончины в 1266 г.

Рукопись РНБ «F.v.II 8», выполненная письмом середины XIII в., содержит множество разновременных глосс, помеченных в основном традиционными знаками в виде штрихов и точек. Большая их часть, особенно на боковых полях, написана в стиле, близком стилю комментируемого текста. И вот в отдельных частях рукописи поверх названных знаков появляется буквенная их разметка, причем большей частью в ином порядке, нежели тот, где они первоначально были размещены в зависимости от времени своего появления и наличия свободного места на поле. Несомненно, рукопись отразила промежуточный этап автора комментария и его помощников по созданию *Glossa ordinaria*. Проводимое нами сопоставление с рукописями, содержащими ранние редакции комментария, позволит точнее определить время и условия создания этой рукописи.

Ю.З. Кантор

Польский фактор Рижского мира (По материалам Российского государственного архива социально-политической истории)

Коллекция документов Польского бюро ЦК РКП(б), в советское время недоступная исследователям, а в постсоветское незаслуженно обойденная их вниманием, проливает свет на весьма примечательные «штрихи к портрету» мирных переговоров в Риге в 1921 г. и их подготовке.

Польское бюро ЦК РКП(б) не только следило за переговорами в Риге осенью 1920 – весной 1921 г., но и, как свидетельствуют документы, оказывало существенное влияние на их ход. Влияние Польбюро на процесс подготовки мирного договора и прелиминарных соглашений, увы, оказывалось на периферии внимания исследователей. Документы дают возможность проследить, какие дискуссии разворачивались между его членами в отношении позиций польской делегации на переговорах, что являлось предметом их геополитических и партийных интересов применительно к мирному договору, а также по каким вопросам они консультировали НКВД. В зоне особого внимания руководства Польбюро находились вопросы репатриации, причем его руководство заняло жесткую позицию в отношении предложений польской стороны. НКВД в отношении пленных выдал указания советской делегации, во многом ориентируясь именно на постулаты Польбюро. Польбюро предложило советской делегации в Риге заключить соглашение «об опеке над военнопленными», проводить их сегрегацию по классовому принципу. Также заслуживает внимания роль Польбюро о реэвакуации имущества, вывезенного из Польши в Россию, и реэвакуации предметов науки и учебных заведений в Польшу и идеологическая аргументация. Польбюро настойчиво продвигало идею об агитационной

работе, и настояло на появлении в ПУРе Польского отдела. Особый интерес представляют документы обобщающего характера: по ним можно реконструировать акценты воззрений Польбюро на судьбу Польши и перспективы ее советизации, на взаимоотношения со странами Антанты в этом контексте. Риторика членов Польбюро о политической аргументации польской стороны в отношении причин империалистической войны является примером радикальных большевистских воззрений. Обращает на себя внимание и комментарий Польбюро в отношении польского проекта «о военных гарантиях». Резюме Польбюро в отношении перспектив Рижского мира таково: «Наша линия по отношению к Польше должна быть твердой, но мирной. Воздерживаясь от дальнейших уступок (в области реэвакуации границ и т.д.) мы одновременно должны воздерживаться от военной агрессивности, пока это не вызывается необходимостью. Твердым и неуступчивым, но терпеливым и осторожным должно быть поведение нашей делегации. Нам нечего торопиться, ибо время работает за нас».

Особый интерес представляют документы обобщающего характера: по ним можно реконструировать акценты воззрений Польбюро на судьбу Польши и перспективы ее советизации, на взаимоотношения со странами Антанты в этом контексте. Риторика членов Польбюро о политической аргументации польской стороны в отношении причин империалистической войны является примером радикальных большевистских воззрений.

А.В. Калюта

Политика Эрнандо Кортеса по отношению к коренному населению Мексики по данным письменных источников XVI в.

В октябре 1522 г. король Испании и император Священной Римской империи Карл V официально утвердил Эрнандо Кортеса предводителя завоевательной экспедиции в Мексику в должности генерал-капитана (наместника) и верховного судьи своего нового владения, получившего название Новая Испания. В тот момент большая часть территории современной Мексики за исключением долины Мехико, территории современных штатов Тласкала и Пуэбла и побережья современного штата Веракрус оставалась независимой. Государственные образования на западе и юго-западе Мексики, созданных такими коренными народами как тараски (пурепеча), миштеки, сапотеки, майя сохраняли свою самостоятельность. Численность испанских завоевателей по сравнению с численностью коренного населения была ничтожно мала. По данным «калифорнийской школы» в начале 1520-х годов коренное население Новой Испании составляло 11 млн. человек. Испанцев в этот же период было не более 2329 человек и практически все они проживали в столице новой колонии городе Мехико, построенном на развалинах столицы государства астеков Теночтитлана. Постоянные распри между бывшими конкистадорами из-за военной добычи, не оправдавшей их ожидания, делали положение новой колонии еще более шатким.

Поэтому в качестве наместника короля Эрнандо Кортес начал проводить меры по включению в состав Новой Испании все еще независимых территорий и государственных образований коренных народов Мексики и удержанию под испанским контролем уже покоренных территорий, включая долину Мехико. В отношении независимых индейских государств он опирался не только на военную силу, но и на дипломатическую практику заключения союзов. Так в 1522 году Кортес и правитель государства тарасков Таганшоан II обменялись посольствами и заключили соглашение о признании сюзеренитета испанского короля. Таганшоан II принял крещение и разрешил доступ в свои владения христианским проповедникам. Аналогичные союзные отношения он установил и с некоторыми государственными образованиями майя.

В отношении коренного населения уже подконтрольных испанцам территорий Эрнандо Кортес проводил политику, направленную на его инкорпорацию в новое колониальное общество в качестве основного источника рабочей силы. В 1522 году

Кортес приступил к раздаче энкомьенд испанским колонистам — практике, уже применявшейся испанскими властями на Больших Антильских островах. Энкомьенда («вверение», «поручительство») была одной из форм пожалования за военную службу, возникшей еще на Пиренейском полуострове в эпоху Реконквисты. Она представляла собой пожалование «на одну-две жизни» определенного поселения (поселений) вместе с его обитателями, которые были обязаны трудиться на полях своего хозяина и платить ему оброк *трибута* в качестве награды за опеку. В обязанности энкомендеро входило наставление своих подопечных в христианской вере и новых обычаях и искоренение прежних верований и практик. При этом «отданные под опеку» индейцы де-юре оставались лично свободными вассалами короля, как и испанцы.

Кортес также последовательно осуществлял программу христианизации коренного населения. По его просьбе уже в 1523 в Новую Испанию прибыли первые миссионеры из ордена францисканцев. Детей правителей и знати, прежде всего, сыновей Кортес отправлял в Испанию для обучения в лоне католической церкви, позднее в местные монастыри. Кортес делал щедрые пожертвования на строительство церквей и монастырей в Новой Испании.

П.В. Крылов

Колониальная политика Испанской империи в XVII в. в документах архива СПБИН РАН

Продолжение работы над документами коллекции папской нунциатуры в Испании, хранящейся в архиве СПБИН РАН, как ожидалось, расширило круг материалов, свидетельствовавших о попытках влияния высшей иерархии Римско-католической Церкви на колониальную политику пиренейского государства. Так в ответ на анонимное донесение от 3 сентября 1674 г., направленное к сведению кардинала-префекта Конгрегации Пропаганды Веры Палуццо Палуцци Альтьери дельи Альбертоне в котором раскрывались нарушения буллы Павла III *Sublimus Dei* (1537) в вице-королевстве Перу была составлена записка от имени кардинала. Он, по его свидетельству, обратился к королю Испании с просьбой проверить известия о том, что папский запрет обращать аборигенов в рабство нарушался в колониях под разнообразными предлогами, в результате чего наблюдалось массовое отпадение индейцев от католической веры, чтобы помочь «индейцам». Среди остальных документов Конгрегации обращают на себя внимания также указания на переписку кардинала с архиепископом Манилы, о вмешательстве в споры между миссионерами-картезианцами из Франции и Испанских Нидерландов, действовавших в Сьерра-Леоне, а также о посылке церковных облачений и алтарных украшений для церкви в Каракасе. Таким образом, коллекция документов свидетельствуют о об очень широком спектре вопросов, интересовавших Святой Престол — от самых мелких до поистине глобальных.

С.А. Исеев

Попытка США аннексировать Доминиканскую Республику (1869 – 1871) в контексте формирования внешнеполитической стратегии для Латинской Америки

1. 29 ноября 1869 г. уполномоченные США и Доминиканской Республики подписали договор о присоединении Доминиканской Республики к США. Договор этот был отвергнут Сенатом: при финальном голосовании 30 июня 1870 г. голоса разделились поровну: 28:28, за голосовали только республиканцы, против — 19 республиканцев и 9 демократов.
2. После этого президент Грант предложил присоединить ДР совместной резолюцией палат Конгресса. 9 января 1871 палата представителей проголосовала за аннексию 121:62, но Сенат, выслушав 27 марта 1871 речь Чарльза Самнера об

- обстоятельствах предполагаемой аннексии, отказался поддержать совместную резолюцию.
3. Это единственный в отношениях США с латиноамериканскими соседями случай, когда от имени формально независимой страны исходило предложение о присоединении к США и это предложение было отвергнуто. Представляет интерес мотивация американцев - противников аннексии.
 4. В их речах и статьях главное внимание уделяется разоблачению корыстных мотивов Буэнавентуры Баэса – фактического диктатора Доминиканы – и его представителей. Но понятно, что при наличии заинтересованности США в приобретении территории на это не обратили бы внимания.
 5. Из прочих же доводов против аннексии основной состоял в том, что поддержание власти США над ДР потребовало бы огромных расходов, тогда как население ДР (тогда 140 – 200 тыс. чел.) лениво и политически инфантильно. Один республиканский политик, живший на Юге, предполагал, что если бы Грант уделял реализации законов против Ку-Клукс-Клана на Юге хотя бы четверть времени и сил, затрачиваемых на попытки аннексии ДР, от ККК на Юге не осталось бы и следа.
 6. Поэтому нежелание политической элиты США принимать в состав страны носителей политических традиций, крайне далёких от англо-саксонских, следует, по-видимому, считать основным мотивом отказа от аннексии. Подобным же образом ставился вопрос при объявлении войны Испании в 1898 г. Зависший странный статус соседнего Пуэрто-Рико – «государства свободно присоединившегося к США» с 1952 г., но до сих пор не штата США – указывает на то же самое нежелание.

Л.А. Герд

Русские церковные предметы на Балканах и Ближнем Востоке в XIX-начале XX века как элемент политики

Материальная помощь православному Востоку, которая осуществлялась Россией, начиная с XVI века, в XIX столетии приобрела новый характер в связи с конкуренцией великих держав на Ближнем Востоке в рамках так называемого «восточного вопроса». Особенно интенсивной становится поддержка монастырей и церквей Востока после русско-турецкой войны 1829-30 гг. В 1830-е годы на территории Османской империи набирает силу католический и протестантский прозелитизм, поддерживаемые соответственно Францией и Великобританией, главными соперниками России в восточном вопросе. Поддержка православия явилась ответным шагом русского правительства.

В конце 1830-х годов к русскому Синоду обращаются патриархи Александрийский и Антиохийский, которые подробно излагают нужды и проблемы своих церквей и православного населения; благодаря активности католических миссионеров оно еще более, чем прежде, было склонно к принятию унии. Результатом этого письма явилась акция широкомасштабного сбора материальной помощи для Ближнего Востока, как деньгами, так и церковными предметами. В архиве Св. Синода (фонды 796 и 797 РГИА) сохранилось множество документов, детально отражающих этапы этой помощи: это списки облачений, тканей, икон, священных сосудов и других предметов церковного обихода, которые собирались по всей России через епархиальных архиереев. Особенно крупными были пожертвования Киевского и Московского митрополитов и больших монастырей. Помощь деньгами составляла важную, и отдельную статью: деньги собирались специально командированными в Москву епископами, которые впоследствии возглавили Антиохийское (с 1849) и Александрийское (с 1857 г.) подворья, где средства и предметы собирались уже на регулярной основе. Большую роль в оказании помощи

сыграло командирование в 1843 г. в Сирию и Палестину архимандрита Порфирия Успенского, который в своих отчетах и записках представил детальную картину состояния православия на Ближнем Востоке и высказал соображения касательно перспектив русских инициатив по поддержанию православного образования, помощи церквям и т.д. Его мнения были взяты на вооружение и служили основой для действий русских дипломатов и церковных политиков до начала XX в.

Не менее важной была помощь России церквям и монастырям Балканского полуострова. Эта поддержка осуществлялась главным образом в рамках политики панславизма, которая проводилась русским правительством начиная с 1840-х годов, и особенно после Крымской войны. Специальное внимание обращалось на области западной части Балканского полуострова, где активно действовали австрийские католические миссионеры и дипломатические агенты. В конце 1830-х годов духовенство Боснии обращается в Синод с просьбой прислать священника за сбором пожертвований. Прибывший сначала в Киев, а затем в Москву священник Твердкович пробыл в России около двух лет; его поездка явилась началом ширококомасштабного сбора пожертвований облачениями, иконами, священными сосудами, колоколами и книгами для церквей Боснии и Герцеговины.

Многие из этих предметов до сих пор сохраняется в церквях. Политический характер помощи наглядно просматривается в случаях изготовления подарков для архиереев Боснии: если епископ, для которого (по предварительному представлению местного российского консула) приготавливалась драгоценная панагия или митра, отказывался от прорусской политики в своей епархии и склонялся к поддержке австрийцев, то подарок вручался не ему, а другому духовному лицу, поведение которого более соответствовало видам русской политики. Особой задачей русских дипломатов было обеспечение церквей Сербии, Боснии и Герцеговины именно русскими церковными и учебным книгами, а не аналогичными произведениями австрийской печати. В конце 1850-х годов аналогичная акция была предпринята в пользу церквей и монастырей Болгарии и Сербии. Предметы собирались епархиальными архиереями, славянскими комитетами, частными лицами. Пути их доставки на Балканы были различными и не всегда простыми, чтобы не возбудить подозрения и не навлечь обвинения со стороны османских властей. Значительная часть вещей привозилась из Одессы в русское посольство в Константинополе, и оттуда распределялось по церквям восточной части Балкан. В западно-балканские области чаще всего предметы отправлялись с купцами, торговавшими по Дунаю. Значительно меньшая помощь осуществлялась церквям и монастырям Греции, что объясняется натянутыми отношениями России и Греческого королевства и ориентацией последнего на французскую и британскую политику.

Русские церковные предметы и книги, отправлявшиеся для православных церквей, монастырей и славянских школ Османской империи служили важным инструментом политики в противостоянии России и католических и протестантских держав на Ближнем Востоке и Балканах. Выявление сохранившихся предметов и соответствующих архивных документов в рамках международного проекта позволяет значительно расширить знания о политике России в регионе в XIX-начале XX в.

Т.Н. Таценко

Идеология особого пути развития немецкой письменной графики в Новое время

На рубеже XV–XVI вв. обозначился особый путь развития немецкого письма в Новое время. В отличие от других европейских стран, прежде всего, Италии, где постепенно совершался переход от ломаных и сложных форм готической графики к округлым и ясным буквам гуманистического письма, в Германии эволюция письма во всех трех его главных видах (Fraktur, Kanzlei, Kurrent) вплоть до середины XX в.

продолжалась на основе готической традиции. Относительно наименования этого письма в профессиональной среде нет единодушия. Его называют «немецким», «неоготическим», «неоготическо-немецким». Также употребляется термин «готическая неография».

Неоготические формы букв выработались в письме документов – курсиве, мощный импульс для развития которого в начале XVI в. дали небывалый подъем экономики и активное строительство структур государственного управления. Если ревнителю округлого письма, итальянские гуманисты, сознательно провозглашали разрыв с готической традицией, то развитие неоготических форм в Германии было своеобразным продолжением этих традиций. Видоизменяясь под влиянием стремления к беглости, готические изломы привели к «раздвоению» вертикалей в корпусах букв, «открытию» окружностей, возникло обилие длинных выносных с размашистыми петлями, появились специфические курсивные формы некоторых букв. Новые приемы переносились на большие буквы и в стилизованном виде влияли на крупные формы письма, печатную графику.

Причины особого пути развития немецкого письма в Новое время носят дискуссионный характер. Представители старшего поколения палеографов отмечали здесь особое «немецкое чувство формы» (G. Dehio). Другие указывали на рост национального самосознания и антиримскую направленность духовных движений в Германии в эпоху Реформации (Fr. Beck). Общеизвестным является влияние немецких печатных учебников письма, авторы которых, начиная с XVI в. (J. Neudörffer, W. Fugger), утверждали правила, по которым немецкие тексты следовало писать традиционным национальным письмом, а латинские – округлым гуманистическим. Также существует мнение, что отсутствие единого государства в Германии в Новое время было тормозом на пути процессов модернизации, в частности введения более практичного и открытого миру округлого письма.

«Двойкий стиль письма (Zweischriftigkeit)» в немецкоязычных странах и регионах далее закреплялась в XVII в., чему также способствовала деятельность многочисленных обществ ревнителей немецкой словесности. Только к концу XVIII в., в век Просвещения, стали слышны голоса противников изолированности письменной и в целом духовной культуры немцев от других стран Европы (писатели и ученые Гёте, Виланд, позже братья Я. и В. Гримм и др.). Их поддержали некоторые политики, например, министр Прусского правительства П.К. Альвенслебен, составивший в 1798 г. на высочайшее имя записку с «Предложением о введении букв [округлого] латинского письма из государственных соображений». Его главным доводом были интересы ассимиляции польского населения на территориях, присоединенных к Пруссии вследствие Третьего раздела Польши в 1795 г. Сторонникам округлого письма (антиквы) противостояли защитники фразатуры, усилившиеся в начале XIX в. в борьбе за национальное единство Германии в период освободительных войн против Наполеона.

Политизация полемики о «двойном стиле письма» резко усилилась после объединения Германии в процессе так называемой „Kulturkampf“ Бисмарка, политики, имевшей антиримскую и антикатолическую направленность. Возникли даже противостоявшие друг другу общественные объединения: Allgemeine Deutsche Schriftverein (за фразатуру) Verein für Altschrift (за антикву). Примечательно, что всемирно известные немецкие палеографы того времени W. Wattenbach, H. Bresslau, L. Traube стояли подчеркнуто в стороне от идеологических столкновений, которые продолжались вплоть до Первой мировой войны. Усиление националистических тенденций в общественном климате кайзеровской Германии было в пользу сохранения монополии фразатуры. В письме от руки господствовал законодательно введенный неоготический курсив „Sütterlin“. Неоготическое письмо стало одним из составных элементов немецкой национальной идентичности.

Когда, после падения монархии в либеральный период Веймарской республики, в книгопечатании стала применяться и антиква, то фразатура сделалась одним из выражений

идеологии постепенно набиравших популярность националистических движений. С приходом в 1933 г. Гитлера к власти, правительство принялось активно поддерживать употребление фразатуры, и национальные ломаные шрифты стали одним из зримых символов национал-социализма.

Поэтому совершенно неожиданным для всех явился «Указ фюрера от 3 января 1941 г.», согласно которому ломаный шрифт фразатура и неоготический курсив „Sütterlin“ повсеместно выводились из употребления. В книгопечатании, органах прессы, школе, государственных учреждениях и т.д. отныне допускалось лишь округлое письмо, получившее название „die Deutsche Normalschrift“. Основанием служило то, что «ломаное письмо вредит немецким интересам за границей, где его не могут читать вообще или делают это с большим трудом».

Так мнимое почитание традиционных культурных ценностей со всем цинизмом и лицемерием отступило перед истинными захватническими целями преступного гитлеровского режима.

Отдел древней истории России

Е.В. Анисимов

Цель войны Петра — принуждение шведов к миру

Предпринимается анализ планов Петра Великого, связанных с закреплением России на берегах Балтийского моря. Автор уделит внимание возникновению замысла выхода к Балтийскому морю, проследил этапы его осуществления как по ходу Северной Войны 1700–1721 гг. менялись условия мира, предлагавшиеся российской стороной, как эволюционировали идеи Петра I по достижению желанного мира. После «конфуза под Нарвой» в ноябре 1700 г. и первого успеха Б.П. Шереметева у Эрестфера в декабре 1701 в 1702–1709 гг. ведение военных действий и дипломатические усилия России направлялись исключительно на удержание выхода к морю. Создание Санкт-Петербурга, перенос в него столицы, строительство оборонительной системы в устье Невы — всё это преследовало цель закрепить устье Невы за Россией. Россия была согласна на заключение мира, по которому получала лишь старые русские провинции Ингрию и Карелию. Петр был готов в обмен на них отдать шведам Псков После победной Полтавы 1709 г. начался новый этап борьбы за приемлемый для России мир. Аннексия Лифляндии, Эстляндии, временная оккупация Финляндии — все эти завоевания также были подчинены главной идеи, ради которой Россия начала войну: удержанию и обеспечению безопасности выхода к морю. При этом Россия постоянно выказывала готовность заключить мир, но все её попытки были отвергнуты шведами, у которых расставание с имперскими амбициями проходило весьма болезненно. Десятилетняя эпопея жёсткого принуждения Швеции к миру закончилась разорением русской армией части собственно шведских территорий и вынужденным согласием шведов на мир. Ништадский мир 1721 г. не только закончил войну, он стал исходной точкой необыкновенного развития имперского воображения Петра, выхода России на мировую арену как империи — самодержавного государства, опасного для соседей и активно участвующего в непрекращающемся разделе мира.

В.Г. Вовина

Деревня Тимофеевская (Погост) Кургоменской волости в XVII–XVIII вв.

В ходе подготовки плановой монографии, посвященной истории Кургоменской волости Важского уезда в XVII – нач. XX в. в 2021 г. продолжалось исследование истории каждой из деревень, входивших в состав этой волости. Уже опубликована статья (на основе доклада на Древнерусском семинаре) о самой крупной деревне волости –

Калининской (ПИЖ, 2020), летом 2021 г. подготовлен доклад на конференции по писцовым книгам о мелких населенных местах (починках) Кургомени, написана статья (отослана в Вестник ВолГУ) о нескольких крупных деревнях волости. Данное выступление посвящено анализу сведений государственных описаний относительно д. Тимофеевской, расположенной на церковной земле, в XVII–XVIII вв. Исследование основано на материалах описаний 1665 г., 1677 г., 1709 г., 1710 г. и 1717 г. (Архив СПбИИ РАН), 2-й, 5-й ревизий (ГААО) и 4-й ревизии (ГАВО).

Предшествующее исследование привело к предварительным выводам, что состав населения в деревнях Кургомени в XVII в. менялся очень мало. В это время там не выявлен новоприходцев-чужаков, все переходы крестьян совершались в пределах соседних деревень, были обусловлены родственными связями. Сохранившиеся данные позволяют выявить основные семейные кланы, доминировавшие в волости на протяжении длительного времени (вплоть до нач. XX в.). Однако в нач. XVIII все деревни волости оказываются в упадке, население сокращается за счет умерших, ушедших в Сибирь и обнищавших крестьян. В дальнейшем, в промежутке между 1 и 2 ревизией произошел приток в деревни волости нового населения, и причины, вызвавшие это явление, еще нуждаются в осмыслении. Д. Тимофеевская на этом фоне в одной стороны подтверждает описанную выше тенденцию, с другой стороны – находилась в ином положении, нежели остальные деревни. Она играла особую роль в жизни волости, поскольку там находился центр прихода, и обитали члены местного клира. В ранних описаниях д. Тимофеевская возглавляла список деревень Кургоменской волости. Но в XVIII в. она исчезает из списков, и уже в материалах ревизий население деревни и их потомки записаны как крестьяне соседних деревень. В докладе будет показано, как менялся состав населения деревни, и в чем состояло его отличие от других поселений волости.

З.В. Дмитриева

О достоверности данных монастырских описей имущества и строений XVII–XVIII вв.

Достоверность данных массовых источников можно отнести к одной из важнейших проблем современного источниковедения. Ее актуальность возросла в последние годы, в связи с введением в научный оборот описей имущества и строений Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Соловецкого и других монастырей.

Монастырские описи представляют собой инвентари, составленные при смене настоятелей, по решению монастырского собора или по инициативе государственной власти с целью контроля над имуществом монастырских общин. Причины проведения переписей определяли состав объектов описания. Храмы, храмовое имущество, казна, книги обязательно подлежали учету, реже — архив, монастырские строения и имущество вне монастыря (в городах на подворьях и в селах), вотчины.

В настоящем сообщении достоверность сведений о населении, включенных в монастырские описи, рассмотрена на материалах одного из крупнейших вотчинников России. В 1668 г. при назначении нового игумена в Кирилло-Белозерском монастырь была составлена самая подробная по составу информации опись (содержит перечень деревень, крестьянских дворов и лиц мужского пола в каждом дворе: ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Q. IV. 393. 1166 л.). При изучении сведений о численности населения необходимо было установить: была ли перепись проведена в 1668 г.? Для этой цели проведено сравнительное изучение государственных и вотчинных описаний XVII в. В результате установлено, что в опись 1668 г. включены тексты переписных книг 1640-х гг., при этом составители нигде не отразили этот казус.

Приведу еще один факт хронологического несоответствия даты проведения переписи и материала, в нее включенного. В 1763–1764 гг. в Кириллове монастыре была составлена «офицерская опись», где зафиксированы сведения о числе крестьян, пашне,

сенокосах и др. угодьях (РГАДА. Ф. Коллегии экономии (№ 280). Оп. 3, д. 266. Ч. II). А. И. Комиссаренко провел корреляционный анализ данных, устанавливая экономическое положение монастыря в 1760-е гг. Исследование этого описания показало, что переписчик не проводил обмеров земельных угодий и переписи населения, а в «вотчинный раздел» включил материал писцовых книг 1620-х гг., что в целом ставит под сомнение достоверность данных «офицерских описей».

А.П. Павлов

Вхождение новгородского дворянства в состав Государева двора в годы царствования Михаила Федоровича

В исторической литературе было отмечено активное участие новгородских дворян в событиях Смутного времени. Значительно меньше изучен вопрос о дальнейшей судьбе новгородского дворянства. Настоящий доклад посвящен рассмотрению вопроса о вхождении представителей новгородского дворянства в состав Государева двора в первые годы царствования Михаила Федоровича (1613–1626 гг.).

Привлечение данных боярских списков и боярских книг, жилецких списков, десятен, разрядных книг и других источников позволяет судить о весьма широком масштабе пожалований новгородских дворян в состав Государева двора рассматриваемого времени. Всего за первые 13 лет царствования Михаила Федоровича в состав различных чинов Государева двора были вновь пожалованы 145 выходцев из новгородского дворянства, представителей 50 родов. Подавляющее большинство этих родов (именно их новгородских ветвей) до Смуты в состав Государева двора не входило.

Активные пожалования новгородских дворян в состав Государева двора были обусловлены стремлением новой династии упрочить свою политическую опору и заручиться поддержкой тех лиц, которые проявили себя наиболее последовательными сторонниками московской власти в Смутное время. В состав двора царя Михаила жаловались, как правило, лица, переходившие из Новгорода, бывшего под властью шведов, на сторону Москвы, участвовавшие в обороне Тихвинского монастыря, псковском осадном сидении, сообщавшие московским властям сведения о передвижениях шведских войск и другую важную информацию.

С другой стороны, зачисление в двор многочисленных представителей новгородского дворянства да деле приводило не к усилению, а к ослаблению новгородской служилой корпорации в целом, поскольку выводило из ее состава наиболее видных и активных дворян.

М.Б. Свердлов

Исторический факт и история летописания (О происхождении князя Владимира Святославича)

В Повести временных лет (ПВЛ) по Лаврентьевскому списку под 980 г. (летописные даты указаны в летосчислении от Рождества Христова) содержится повествование о сватовстве Владимира Святославича, который тогда княжил в Новгороде, к Рогнеде, дочери полоцкого князя Рогволода. Тогда же к ней сватался киевский князь Ярополк Святославич. Когда отец ее спросил, хочет ли она замуж за Владимира, она ответила: «Не хочу розути робичича, но Ярополка хочу». Владимир отправился с большим войском на Полоцк, «и уби Рогьволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ». Для некоторых исследователей косвенным подтверждением такого происхождения Владимира становилось сообщение ПВЛ под 970 г. о том, что его матерью являлась Малуша, ключница княгини Ольги. Здесь же написано о ее родне: Добрыня — ее брат и дядя по материнской линии Владимиру Святославичу, Малк Любечанин — ее отец. В Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ) текст ПВЛ под 980 г. повторен, а

слова Рогнеды сохранены. Слова Рогнеды сохранены и в отредактированном повествовании Лаврентьевской летописи под 1128 г.

Ученым было достаточно нарративного содержания этих летописных текстов для характеристики Владимира как «робичича». Но источниковедческий анализ позволяет определить степень достоверности и раскрыть содержание ранее приведенных сведений исторических источников.

А.А. Шахматов, системно изучая историю древнерусского летописания, обратил внимание на его литературное содержание. Эти наблюдения поддержал и развил Д. С. Лихачев. По наблюдениям Шахматова рассказ о сватовстве Владимира к Рогнеде содержался в Начальном своде, сохранившемся в составе НПЛ, и в ПВЛ, куда он попал из Новгородского свода XI в.

Как следует из ПВЛ по Ипатьевскому списку, в древнем киевском летописании литературных подробностей, унижавших Владимира, не было, хотя сюжет о сватовстве Владимира, о его походе на Полоцк, убийстве Рогволода, его двух сыновей и женитьбе на Рогнеде изложен.

Объяснение Лихачевым бесчестного поведения Владимира Святославича раскрывает скрытый смысл пейоративных характеристик Владимира в начальном новгородском летописании, в южнорусском Начальном своде и в последующей летописной традиции: «Но каковы бы ни были грехи Владимира-язычника, они не могли становиться с христианской точки зрения в укор Владимиру-христианину. Наоборот, чем ниже был нравственный уровень Владимира до крещения, тем выше становился его подвиг принятия христианства, тем резче выступал произошедший в нем слом, тем более величественным становился самый акт крещения». Существенна также характеристика ПВЛ Лихачевым как историко-литературного произведения.

Можно также предположить, что негативное изложение поведения Владимира по отношению к Рогнеде в начальном новгородском летописании стало следствием отрицательного отношения новгородцев к Владимиру в 1014 г., когда Ярослав Владимирович явно под их давлением отказался платить тогда уже киевскому князю Владимиру Святославичу огромную ежегодную подать в две тысячи гривен. Учитывая новейшие текстологические наблюдения, О. В. Творогов издал ПВЛ по Ипатьевскому списку как сохранившему ее первоначальные чтения. Такой тип издания ПВЛ поддержал Лихачев.

Таким образом, сопоставление данных летописных текстов показывает, как первоначальное традиционное летописное повествование, сохранившееся в составе Ипатьевской летописи, позднее редактировалась под влиянием литературного творчества, идеологического и политического воздействия. Их следствием стала литературная, но не историческая характеристика князя Владимира Святославича как «робичича».

П.В. Седов

Анафема и покаяние в судьбе Гаврилы Григорьевича Пушкина и его потомков

В исторической литературе хорошо известен факт предания анафеме в 1605 г. патриархом Иовом сторонников Лжедмитрия I, среди которых был Гаврила Пушкин. Однако значение этого события в дальнейшей судьбе Гаврилы Григорьевича и его потомков не привлекало внимания исследователей.

В июне 1605 г. самозванец послал Г. Г. Пушкина «смутить» Москву — эта служба зафиксирована в разрядных записях, летописях и легла пятном на биографию Гаврилы Пушкина и его детей. После низвержения Лжедмитрия I церковное проклятие в отношении тех, кто целовал крест самозванцу, было официально снято, поскольку Григорию Отрепьеву присягнула вся страна. Однако память о том, кто в числе первых изменников перешел на сторону «вора», сохранялась в среде столичного дворянства и

служила аргументом в местнических спорах, акцентировалась в частных разрядных книгах.

Официальный взгляд на события Смуты, сложившийся к началу 1630-х годов, отразил «Новый летописец», в котором поступок Гаврилы Пушкина объяснялся «научением дьявола» (в других случаях в этом произведении столь сильное выражение использовано по отношению к таким явным врагам престола как Расстрига и Иван Болотников). К 1626 г. Гаврила Пушкин ослеп и как христианин должен был видеть в этом недуге напоминание о своих прегрешениях, на что указывает редкое для служилого человека того времени принятие перед кончиной не просто иноческого чина, а более строгой формы покаяния — схимы.

На протяжении всего XVII в. Гаврила Пушкин, а вслед за ним его дети и внуки наказывали прихожанам своих вотчинных храмов молиться о спасении его души, что нашло отражение в поминальных записях на листах вкладных церковных книг.

Искреннее покаяние Гаврилы Пушкина и забота о его поминовении двух поколений семьи, не замеченные в историографии XX века, выявляют важную сторону духовной жизни человека допетровского времени, когда спасение души отца и деда было частью собственного спасения.

О.А. Абеленцева

К вопросу о классификации актов из архива Успенского Тихвинского монастыря
В Научно-историческом архиве СПбИИ РАН хранится архив Успенского Тихвинского монастыря. В силу обстоятельств, при которых фонд был передан в Археографическую комиссию, в него попали документы монастырей Введенского Тихвинского, Николаевского Беседного, Антониева Дымского, Николаевского Вяжищского, Николаевского Мостищского, Реконской пустыни, а также хранившиеся в Новгородском обществе любителей древности отдельные документы частных лиц. В этом собрании актов представлено множество разновидностей публично-правовых, публично-частных и частноправовых актов, их списков и копий, а также делопроизводственные документы неактового характера. По мнению С.М. Каштанова, основным методологическим вопросом дипломатики является классификация актов, проблема их происхождения и содержания. Некоторые виды документов, отражавшие насущные потребности населения в фиксации правовых отношений, в XVII в. еще не получили устойчивого формуляра и названия. В связи с этим для их именованья часто применялись два названия — «запись» и «память». Такие самоназвания могли иметь при себе определения, например, память наказная, память духовная, память заемная, память отпускная. При описании фонда Успенского Тихвинского монастыря для установления вида таких документов проводилось изучение внешней и внутренней формы этой группы актов, их происхождения и функций. Анализ показал, что «записью» и «памятью» могли называться как публично-правовые, так и частноправовые акты.

Т.В. Сазонова

**К вопросу о поддержке государством белозерских монастырей в XVI–XVII в.
(«государева руга»)**

Одно из определений руги — регулярное пособие церковному причту или монастырю, обычно от государственной власти, реже от землевладельца или местного населения. На протяжении всего XVI в. ругу получали многие монастыри, в том числе и белозерские, несмотря на то, что на Стоглавом соборе в 1551 г. решено было оставить ругу только «убогим» обителям. По мнению Н. К. Никольского «как источник доходов эта руга для поздних годов XVI века казалась сравнительно ничтожной по своей ценности, но в свое время она представляла одно из надежных подспорий для содержания братии».

Источников о получении, распределении и использовании руги в белозерских монастырях сохранилось немного. Поэтому особенно ценными становятся документы Горицкого монастыря, отражающие явление государственной поддержки небольших обителей в XVII в.

Горицкий девичий монастырь был основан в середине XVI в. Ефросиньей Старицкой. В XVI–XVIII вв. был известен как место пострига представительниц высшей знати, хотя большинство пострижениц были простые женщины. Известно, что в XVI в. Горицкий монастырь получал государеву ругу сначала в Москве в приказе Большого дворца, с 1576 г. в Белоозере, как и большинство белозерских обителей. В грамоте 1604 г. Бориса Годунова цитируется челобитная игуменьи Евфимии с сестрами, в которой она указывает, что денежное и хлебное жалование они получают ежегодно. Кроме этого старицы получали соль, мед, а также деньги за воск, ладан и за дрова, чтобы печь просфоры. В 1652 г. в состав руги было введено церковное вино.

В 1645 г. получение руги из белозерской таможни переведено в Вологду. В это же время монастырь перестал получать хлеб, а вместо него получил деньги в соответствии с рыночными вологодскими ценами. Вино также заменяется денежной компенсацией. Теперь ежегодно монастырь получает 230-270 рублей, что составляло более 80% от общего бюджета монастыря. Непосредственно же в казну поступали только те деньги, которые выдавались на воск, ладан, церковное вино, просфорную рожь, соль и дрова к трапезе, что составляло от 10 до 30% от полученной суммы, так как до начала XVIII в. Горицкий монастырь являлся особножительным, то есть общая у монахинь была только церковная служба. Остальные деньги раздавались игуменье, старицам, священникам и дьяконам. Руга была рассчитана на 70 стариц, но в грамотах оговаривалось, что ругу получить можно только «налицо, сколько в котором году стариц будет, а за очи никому не давать». По данным хозяйственных книг видно, что не все старицы могли получать одинаковое жалование.

Приходо-расходные денежные книги Горицкого монастыря составлялись с разной степенью подробности, но, несмотря на это, анализ книг показал, что основным стабильным средством содержания была государева денежная руга. Так как Горицкий девичий монастырь являлся особножительным и не имел развитого хозяйства, государева руга не утрачивала значения на протяжении всего рассматриваемого периода. Доказательством могут служить усилия, которые прилагали старицы для подтверждения ружных грамот. Для сравнения, в Кирилло-Новоезерском монастыре с течением времени размер руги перестал соответствовать потребностям растущего монастыря, поэтому в первой трети XVII в. монахи добились замены руги на более выгодный источник дохода – владение промысловыми водоемами.

А.В. Сиренов

Эволюция русского княжеского некрополя в XII–XVI вв.

Погребение князя или епископа в Древней Руси имело важное политическое и идеологическое значение. Так, при строительстве московского Успенского собора митрополит Петр определил место своего будущего погребения, тем самым закрепляя за Москвой местопребывание митрополита – главы митрополии Киевской и всея Руси. Киевских князей XI – начала XIII в. хоронили в разных храмах Киева. Та же практика имела место в Великом Новгороде. В этих крупнейших центрах домонгольской Руси не сформировалось своих династий, там княжили представители разных ветвей рода Рюриковичей, часто сменяя друг друга, поэтому говорить о княжеском некрополе как некоей культурно-политической системе в этих городах не приходится.

Традиция княжеских погребений в Северо-Восточной Руси была иной. Ее заложил Андрей Боголюбский, который в 1155 г. стал владимирским князем и впоследствии не пытался занять более престижный княжеский престол. В построенном им в 1158 г.

Успенском соборе были похоронены его старшие сыновья Изяслав и Мстислав, сам князь Андрей, его младшие братья Михаил и Всеволод, а также сыновья Всеволода Константин, Юрий и Ярослав. Таким образом, во Владимире сформировалась традиция погребать представителей местной княжеской династии в Успенском соборе. Следует иметь в виду, что в XII в. в Северо-Восточной Руси существовала и иная практика княжеских погребений. Так, в церкви Бориса и Глеба в Кидекше, построенной в середине XII в., были похоронены сын Юрия Долгорукого Борис и его жена, а в Рождественском соборе Суздаля – сын Юрия Долгорукого Святослав. И все же восторжествовала идея единого храма-некрополя. Во второй половине XII – начале XIII в. в Успенском соборе г. Владимира хоронили князей, княжон и епископов. Ситуация изменилась в начале XIII в. В 1299 г. владимирский князь Всеволод III для своей тяжело больной жены, пожелавший уйти в монастырь, построил во Владимире Успенский Княгинин монастырь. Там была погребена его жена Мария Шварновна, их дочь, а также вторая жена Всеволода Анна. Так, Княгинин монастырь постепенно стал женским некрополем владимирского княжеского дома. Около середины XIII в. в нем были похоронены жена и дочь Александра Невского. Таким образом, в начале XIII в. княжеский некрополь во Владимире оказался разделенным по гендерному признаку. В течение XIII в. этот некрополь претерпел еще одно существенное изменение. Из сыновей Всеволода III один определенно не был похоронен в Успенском соборе. Это Святослав Всеволодович. Он завещал похоронить себя в своем удельном городе Юрьеве-Польском, для чего в городском Георгиевском соборе был устроен специальный придел-усыпальница. Его сын Дмитрий перед смертью принял постриг в юрьевском Михайло-Архангельском монастыре, где и был похоронен. Внуки и правнуки Всеволода III следовали разным практикам. Так, некоторые из них принимали постриг (как князь Дмитрий Святославович) и, соответственно, находили вечное упокоение в монастырских храмах. Это Александр Невский (во владимирском Рождественском монастыре), его сын Даниил Александрович (в московском Даниловом монастыре), правнук Симеон Гордый (в московском Спасском на Бору монастыре). Другие (подробно Святославу Всеволодовичу) положили начало некрополям удельного времени. Это тверской князь Ярослав Ярославич и сыновья Александра Невского – переславский князь Дмитрий Александрович и городецкий князь Андрей Александрович. Владимирский Успенский собор перестал служить местом погребения владимирских князей. Возможно, это произошло отчасти из-за того, что оказались заполненными все аркосолии – специальные ниши в стенах, предусмотренные для постановки в них гробниц. Однако основная причина в другом: для князей второй половины XIII–XIV вв. их удельные центры были важнее, чем титул великого князя Владимирского, который воспринимался ими, скорее, как символ верховной княжеской власти.

Характерно, что некрополь московских князей при Иване Калите начали формировать по образцу некрополя владимирских князей XII–XIII вв. Так, в московском Успенском соборе похоронили и старшего брата Ивана Калиты Юрия Даниловича, и митрополита Петра, вероятно, планируя соединить в этом соборе и княжеский, и митрополичий некрополь (как во владимирском Успенском соборе). Однако уже Ивана Калиту похоронили в другом кремлевском соборе – Архангельском. В конце XIV в. вдова Дмитрия Донского основала Вознесенский монастырь, который стал некрополем московских княгинь и княжон, подобным Княгинину монастырю во Владимире. Таким образом, московский великокняжеский некрополь представляет собой еще более сложную структуру, чем владимирский. Князей хоронили в Архангельском соборе, митрополитов – в Успенском, а княгинь и княжон – в соборе Вознесенского монастыря. Когда в начале XVI в. было построено новое здание Архангельского собора, в него перезахоронили князей, погребенных ранее в Спасском монастыре на Бору, а также представителей всех боковых ветвей московского княжеского дома. Это было грандиозное мероприятие: из храмов подмосковных городов в Архангельский собор свезли останки всех удельных князей – ближайших родственников князей московских.

Таким образом, русский княжеский некрополь с XII до XVI вв. претерпел существенные изменения. Его важнейшими этапами следует считать некрополь владимирских князей второй половины XII – начала XIII в. и некрополь московских князей XIV–XVI вв.

Отдел истории революций и общественного движения в России

Т.А. Абросимова

Студент «белоподкладочник» – «красный» студент: исторический перекрёсток (ноябрь 1917-1921 гг.)

Одна из проблем, которой я занималась в прошлом году, это анализ эволюционных изменений в студенческом сообществе, происшедших после октября 1917г. В фокусе внимания было противостояние между «старым» и «новым» студенчеством, возникшее в результате «пролетаризации» университетов.

С первых дней своего существования, советская власть уделяла образованию, в частности высшему, самое серьёзное внимание. Перед Советским правительством стояла задача завоевать высшую школу.

Главная цель заключалась в том, чтобы в высших учебных заведениях появились «красные» студенты из рабочих и крестьян. В дальнейшем они должны были стать специалистами отвечающими новым требованиям советского общества. Эта цель достигалась через систему организации «классовых приемов» и функционирование рабочих факультетов.

Приход в университеты и институты «пролетарского» студенчества, привел к подлинной внутрестуденческой войне со «старыми» студентами.

«Старые» студенты не считали вновь принятых пролетариев полноправными студентами университета. Студенчество разделилось на «старое» и «новое». «Новое» студенчество стало жить по своим правилам. Столкнулись два различных стиля мышления, два «жизненных мира».

Противостояние между «старыми» и «новыми» студентами было очевидно и нарастало с каждым днём. Они находились в противоречивых, враждебных отношениях друг с другом. Но «старое» студенчество доучивалось, стремительно сокращаясь количественно. А поток «новых» студентов рос, заполняя аудитории университетов и институтов.

«Новому» студенту властями внушалась мысль, что он должен стать «красным» специалистом и отдать все свои силы на благо советского общества. Это был смысл обучения его в высшей школе. Фактически «красный» студент терял свой студенческий статус, он становился «пролетарием», обучающимся в высшей школе. Общие интересы ставились значительно выше личных. Стратегия советской власти, нацеленная на заполнение университетов и институтов «новыми» студентами, к 1921 г. оправдала себя и в дальнейшем продолжала активно развиваться.

Классово-идеологическая политика Советского государства помогла трансформировать «красных» студентов в «красных» специалистов, обеспечивших решение неотложных народно-хозяйственных задач.

Б.И. Колоницкий

«Керенщина»: образы власти в 1917 году

История революции 1917 года и по сей день остается по преимуществу «большевицентричной» и «лениноцентричной»: в центре внимания исследователей разных взглядов оказывается победившая партия и ее руководители. Между тем успехи

большевиков в борьбе за власть объясняются не только тактическими успехами этой партии и ее способностью мобилизовать массы, но и действиями (а порой и бездействием) их политических противников, а также процессами деполитизации, ухода из политики многих людей, которые весной 1917 года были искренними энтузиастами революции.

В отношении ко Временному правительству, которое начиная с июля возглавлял Александр Федорович Керенский, проявлялись важные процессы массовой политической мобилизации и массовой политической демобилизации, которые начиная с сентября 1917 года делали ситуацию гражданской войны неизбежной.

В выступлении предполагается рассмотреть различные позитивные и негативные образы А.Ф. Керенского, получившие хождение во второй половине 1917 года. В качестве основных источников используются заявления основных участников политического процесса, материалы периодической печати, резолюции, письма и дневники современников.

Н.В. Михайлов

Материалы Санкт-Петербургского международного коллоквиума как исторический источник, 1990-2020.

Санкт-Петербургский международный коллоквиум – научное мероприятие если не уникальное, то неординарное и своеобразное, оставившее заметный след в исторической науке и отразившее важный этап в развитии международного научного сотрудничества в первое постсоветское тридцатилетие. Изданные материалы коллоквиума отразили прежде всего содержательную и частично организационную сторону научного мероприятия. Тематика отличалась актуальностью и показывала наиболее востребованные мировым сообществом научные проблемы. Материалы позволяют проследить как тенденции развития мировой исторической науки, так и внутреннюю логику развития мероприятия, которая прошла несколько этапов.

Особенности материалов Санкт-Петербургского международного коллоквиума как исторического источника:

- большой массив однородных материалов;
- информативность материалов, включающих а) тематику мероприятия; б) состав участников; в) тексты докладов; г) тексты научной дискуссии; д) регламент работы;
- наличие предисловия и дополнительных материалов, посвященных истории коллоквиума, а также иллюстраций;
- наличие ремарок в тексте дискуссии («шум в зале», «смех» и т.п.), которые отражают атмосферу дискуссии.

Издание материалов не ставило целью показать все стороны организации и проведения мероприятия. Для изучения других сторон истории коллоквиума (особенности организации и финансирования на каждом этапе, кулуарная жизнь, культурные и неформальные мероприятия) важно привлечь дополнительные источники, которые могут включать а) воспоминания организаторов и участников; б) фотографии; в) информационные сообщения в СМИ и публикации по истории коллоквиума.

П.Г. Rogozный

Брак и развод в эпоху Гражданской войны

1. Попытки реформ брачного законодательства в Российской империи до революции. Фактическая невозможность развестись в России. Требовался доказать факт прелюбодеяния, причем нужны были два свидетеля. Это была самая быстрая причина развода, но она ассоциировалась с коррумпированностью всего законодательства. Были и другие причины по которым разводили, неспособность к брачному сожителству,

безызвестное отсутствие и др. Но очень часто законными способами развод нельзя было оформить. Иногда даже такие культовые фигуры как А.В. Суворов не могли развестись. «В России разводов нет» (Н. А. Лесков). «Бабы стоны» так называли побои и даже убийства женщин в деревнях. Пьянство и избиение в пьяном виде не является причиной развода. Как брак, так и развод оформляла Православная Церковь, только церковный брак и развод считался законным. Временное правительство пыталось, но не успело провести реформы в области брака и развода.

2. Декреты и браке, и разводе большевиков в 1917 году. Проекты и реальность. Автор текста декретов присяжный поверенный И.А. Шпицберг. Феномен гражданского брака в России. Гражданским браком является регистрация отношений в светских государственных органах. Незарегистрированные отношения между мужчиной и женщиной именуется сожителем. К современному понятию «гражданского брака» в кавычках, брак, вводимый большевиками, не имеет никакого отношения. Факт свободного развода и гражданского брака подтвержден в «декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» в 1918 г.

3. Главной проблемой становится соотношения светского брачного законодательства и церковного. Большинство населения бывшей империи желало разводиться в светских органах, где развод был свободный, а венчается «по-старому» в церкви. Это создавало множество коллизий, когда часто вооруженный народ являлся в епархиальное учреждение или церковь и иногда силой заставлял себя венчать хотя был разведен по новому светскому законодательству и часто происходил такой монолог. «Вы не признаете декретов народных комиссаров? Мы штыками заставим подчиниться им!». Причем разъяснение сделанные новой властью что церковное венчание «это частная религиозная церемонии» не помогало. «Что мы нехристи? Венчайте в церкви». Церковные же законы о браке и разводе оставались крайне строги.

4. Что большинство сельского населения продолжает венчается в церкви вынужден был признать и В.И. Ленин. Причем в церкви венчались и члены партии, с чем более или менее успешно власть боролась. Все эксперименты в области взаимоотношения мужчины и женщину, проекты «свободной любви», освобождение женщины от «кухонного рабства», отдача детей на воспитание в детский дом и т. п. закончились неудачно. Следует признать, что лидер большевиков Ленин был противником всяческих экспериментов в этой области.

5. При нормальном развитии общества духовенство, с которого снималась ответственность за «неправильный брак» или неразрешенный развод, могло выиграть от новых брачных законов. Но особенно впоследствии брачные законы внедрялись не только с помощью разъяснения и агитации, но и как факт единственной возможности зарегистрировать свой брак, так как приходские церкви закрывались. В целом новые законы о браке шли в русле европейской модели секуляризации и им суждена была долгая жизнь (в целом они сохраняются и сейчас) и любая их оценка неизбежно будет носить политизированный характер.

Сокращенный вариант главы рукописи монографии о Церкви в период Гражданской войны, опубликован. Рогозный Г.Л. Гражданский брак, развод и революция: Конец семейного насилия или разложения семьи? // Петербургский исторический журнал 2021. №3. С.132-154.

Н.Н. Смирнов

Франция и проблемы репатриации русских эмигрантов в 1917 г.

1. Характеристика общественно-политических настроений Франции в первые месяцы после победы революции в России: выявление политических настроений русских эмигрантов и попытка их изоляции от французской общественности; политика МВД и правительства

Франции в отношении возможностей репатриации русских эмигрантов: учет и контроль за деятельностью общественных организаций русской эмиграции.

2. Два пути репатриации: **традиционный** – морем из Эдинбурга/Абердина в Норвегию, Швецию и Россию для эмигрантов экспатов и аполитичных; **ситуативный** – сухопутный, поездом из Швейцарии/Бельгии через Германию, Норвегию в Россию для эмигрантов пацифистов и леворадикальных социалистов.
3. Правительство Франции и мероприятия, направленные на дискредитацию противников войны из числа русских эмигрантов весной 1917 г.
4. Координация деятельности правительств Франции и России по вопросам репатриации русских эмигрантов в 1917 г.

К.А. Тарасов

К.И. Ярошинский – финансист контрреволюции, 1917-1918

1. К.И. Ярошинский являлся символической фигурой для своего времени. За годы Первой мировой войны он преумножил свое богатство и стал одним из наиболее влиятельных людей России.

2. После Октябрьского переворота финансист, не надеясь на долгое пребывание большевиков у власти, явно готовил к реализации свой политический проект. Он переслал царской семье, находившейся в Тобольске, крупную сумму денег, финансово поддерживал семью великого князя Павла Александровича. Предприниматель буквально содержал целое правительство, поскольку его делами ведали несколько бывших царских сенаторов и министров, например, А.В. Кривошеин.

3. В распоряжении Ярошинского находилась группа бывших гвардейских офицеров во главе с П.П. Дурново, которая вначале вела разведывательную деятельность, а затем напрямую подготовкой к перевороту в Петрограде. Эта группа занималась также перевозом влиятельных людей через границу в Финляндию.

4. Не менее важен финансовый проект Ярошинского. Он предложил представителям Великобритании план скупки контрольных пакетов акций основных российских коммерческих банков. Кроме того, Ярошинский обещал, что его предприятие позволит обеспечить финансирование добровольческого движения на Юге.

5. После заключения Брест-Литовского мира, Ярошинский резко изменил свою внешнеполитическую ориентацию и приступил к переговорам с представителями Германии. Им он обещал реализацию того же проекта, что и бывшим Союзникам. Финансист предлагал немцам не только доминирование в банковской сфере, но и полный контроль над будущим правительством, создание прогерманских политических партий и СМИ. Взамен он просил германское вторжение, которое установило бы монархию в России.

6. Власти разыскивали Ярошинского с декабря 1917 года, и в конце концов в августе 1918 г. он вынужден был покинуть Советскую Россию. Предприниматель оказался на территории гетманской Украины, где продолжил попытки наладить отношения с германскими представителями. Лишь после окончания Первой мировой войны, финансист снова попытался заручиться поддержкой британцев.

Отдел новой истории России

Т.Г. Таирова

Могила Богдана Хмельницкого: перспективы ее поисков

Согласно установившейся в исторической науке традиции местом захоронения знаменитого украинского гетмана Богдана Хмельницкого считается каменная Ильинская церковь в селе Суботов, принадлежавшем семье Хмельницких. Традиция эта зародилась со времен издания биографии Богдана Хмельницкого, написанной Н.Костомаровым, и пользовавшейся огромной популярностью. Костомаров опирался на позднюю казацкую летопись Г.Грабянка. Никаких следов самой могилы в церкви не имелось, но по инициативе священника о. Орловского во второй половине XIX в. в церкви был установлен памятный знак и туда началось паломничество. В 70-х гг. XX века, когда создавался заповедник истории казачества в Суботове, были проведены археологические раскопки, которые не смогли подтвердить верность теории.

В 2020 г. Т.Г.Таировой была выдвинута гипотеза, что Богдан был похоронен не в Ильинской, а в Михайловской деревянной церкви Суботова, построенной еще его отцом (Михаилом). В Михайловской деревянной церкви достоверно (по описанию П. Алеппского) был похоронен старший сын Богдана Хмельницкого Тимош в 1653 г. Имеются свидетельства очевидцев, что старшина из Чигирина поехала хоронить Богдана в Суботов. Но единственный источник, указывающий место захоронения самого Богдана – летопись Самовидца говорит о «рынковой церкви», каковой была Михайловская.

Гипотеза, высказанная Т.Г.Таировой, вызвала бурную дискуссию, и была поддержана многими историками, антропологами, археологами и историками архитектуры. Была создана рабочая группа, которая начала заниматься поисками Михайловской церкви, разобранной в 1930-х гг. В проекте участвуют научные организациями Украины (Институт археологии НАН, Институт Национальной памяти) и Институт археологии РАН. Задачей является установление места локации Михайловской церкви села Суботова Черкасской области (Украина).

К настоящему времени на основании наложения имеющихся карт (1929 г.), фотографий церкви XIX в. локализовано место нахождения церкви, проведены георадарные исследование, идет работа над фотограмметрией данного участка с целью подготовки археологической экспедиции, запланированной на 2022 г.

Установлено, что место нахождения церкви не застроено, раскопок на этом месте не проводилось. Данное исследование позволяет установить план села Суботова, построенного отцом Б.Хмельницкого и являвшегося его личной резиденцией, выявить локацию церкви, установить ее размеры, создать базу для проведения реконструкции, а также провести розыск возможных захоронений на территории церкви.

П. В. Ильин

Новонайденные персоналии участников тайных обществ 1810-х – 1820-х гг.: штрихи к традиционной картине движения декабристов

В докладе представлены итоги проделанной за последние 25 лет исследовательской работы по выявлению и критической проверке данных источников, содержащих сведения о ранее не известных участниках дворянского оппозиционного движения эпохи Александра I. В биографическом справочнике «Декабристы» (М., 1988) отведен особый раздел персоналиям деятелей декабризма, не отраженным в итоговых документах следствия и выявленным по другим источникам. Составитель справочника С.В. Мироненко полагал принципиально важным выявление новых, ранее не известных участников движения декабристов, рассматривая его как одно из значимых направлений исследований. Важность и необходимость выявления неизвестных ранее деятелей тайных обществ заключается, во-первых, в установлении факта участия в движении декабристов тех или иных лиц (в т.ч. известных в историческом аспекте – государственных деятелей, военачальников, общественных деятелей, литераторов и т.д.), что дает новое знание о биографии этих исторических фигур. Во-вторых, данные об участии в декабристских

союзах новых персоналий изменяют саму картину истории тайных обществ, дополняет ее новыми чертами. Наши работы, как и труды еще нескольких историков (Я.В. Леонтьев, А.В. Семенова, А.Б. Шешин, В.А. Шкерин), находились в русле данного направления исследований.

Источниковая база для установления и критической проверки факта принадлежности к конспиративным союзам начала XIX в. ограничена естественным образом документами следствия (главным образом, показаниями, не учтенными А.Д. Боровковым), материалами подписки о неучастии в тайных обществах 1826 г., мемуарными источниками. Участие в декабристском движении вновь выявленных или введенных в полноценный научный оборот персоналий установлено нами на основе того же круга источников, среди которых – обнаруженные нами и опубликованные совместно с Т.В. Андреевой мемуары С.П. Трубецкого, воспоминания Н.И. Тургенева, М.А. Бестужева, В.С. Толстого и ряд др., а также неучтенные следователями следственные показания (существенно пополненные в последние годы благодаря изданию нового комплекса следственных документов в серии «Восстание декабристов») и материалы подписки 1826 г.

Среди новообнаруженных участников тайных обществ 1810-х гг. (Союз спасения, Военное общество, многочисленный Союз благоденствия, его дочерние организации) выделяются фигуры будущего министра внутренних дел, крупного чиновника С.С. Ланского и генерала К.М. Полторацкого. Их участие в Союзе благоденствия показывает интерес основателей конспиративных союзов к отдельным представителям старшего поколения, имевшим определенный вес и значение в административном и общественном отношениях. Членство в тайном обществе рядового провинциального чиновника И.М. Любовского, обнаруженное при подписке 1826 г., демонстрирует стремление деятелей тайных обществ распространить свое влияние на провинциальную дворянскую чиновную среду. Результаты исследований А.В. Семеновой, Я.В. Леонтьева, А.Н. Лушина, А.И. Серкова, В.А. Шкерина подтверждают наличие отделений или предполагаемого круга участников Союза в Киевской, Полтавской, Смоленской, Нижегородской и Тульской губерниях. В целом следует заключить, что состав деятелей тайных обществ 1810-х гг. выявлен не в полной мере. Этот вывод можно распространить на более поздние общества декабристов. Фигуры принятых в них известного мореплавателя Ф.Ф. Матюшкина и исследователя полярного Севера В.А. Кротова показывают обостренный интерес конспираторов к флотским офицерам, А.П. Сапожникова – к петербургскому купечеству. Указания источников, касающиеся молодых офицеров А.Ф. Багговута и А.В. Чевкина, раскрывают мало проясненные факты распространения заговора в гвардии. Уникальное свидетельство С.П. Трубецкого, отраженное в тексте его новонайденных записок, окончательно вводит в число участников декабристского движения П.А. Набокова и Ф.С. Панютина – военных деятелей николаевского царствования; комплекс следственных показаний содержит незамеченное следствием указание об участии в собраниях Южного общества видного деятеля Кавказской войны, публициста и мемуариста Г.В. Новицкого.

Исследование неизвестных в историографии деятелей тайных обществ (в т.ч. предполагаемых) принесло новый существенный результат, способствовало пополнению фактографической базы и обогащению существующих научных представлений.

Т. В. Андреева

***Вопросы русской истории
в законодательных проектах и записках М. М. Сперанского
(статья принята к печати журналом «Quaestio Rossica»)***

Важнейшей составляющей реформаторского наследия М. М. Сперанского является историческая основа его законодательных проектов и записок, связанная с необходимостью учитывать, прежде всего, отечественный преобразовательный опыт.

Стремление избежать, как собственных предыдущих ошибок, так изломов западной цивилизации и выработать наиболее безболезненный путь естественного развития определяло потребность в обращении к истории. При этом центральное место в изучении занимала не концепция, а историческая память, главной задачей которой становилось выявление связи, преемственных и отличительных черт в преобразовательной политике прошлого и настоящего.

В целом историзму Сперанского присущи – просветительский принцип единства исторического процесса и естественного прогресса, закономерности государственного и общественного развития, а также идущие от трудов И.-Г. Гердера, Ф.-М. Вольтера, Ш.-Л. Монтескье юридический взгляд на историю, критика идейных основ феодализма, приоритет изучения внутреннего строя государства и общества, находившего выражение в состоянии законодательства, экономики, промышленности, отрицательное отношение к социальной и политической борьбе. Считая, что история человечества представляет собой движение по восходящей линии, главным рычагом цивилизации Сперанский определял гармонию двух стихий – законов естественного развития и преобразующей, охраняющей силы государства. Применительно к истории России для Сперанского характерны не только коммуникативный подход, но и рассмотрение российского исторического процесса как эволюции законодательства в тесной связи с развитием государственности. Поэтому главными предметами его исторических изысканий были законодательные и институциональные явления. В специальных исторических сочинениях и исторических экскурсах особое внимание он уделял истории России Нового времени, определению роли «реформаторов на троне» – Петра I и Екатерины II – в формировании отечественного законодательства и усовершенствовании государственного управления. При этом правительственные поиски упорядочения, консолидации и систематизации законов почти за 100 лет имперского периода (1700–1801) Сперанский рассматривал как единый, целостный процесс, составную часть российской модернизации и связывал с задачами создания единой административной системы империи.

Тем не менее, для реформатора характерно сдержанное, взвешенное отношение к преобразовательному наследию прошлого, основанное на знакомстве с официальными источниками. Неудача правительственной деятельности по созданию фундаментального законодательства в XVIII в., как считал Сперанский, была обусловлена ее спорадическим, бессистемным характером, лишенным «постоянного плана, постоянного и твердого движения вперед», когда все колебалось между двумя альтернативами – «сводное Уложение», без исправлений и изменений основанное на Уложении 1649 г., или «сочинение нового Уложения». Несоответствие же целей и результатов реформирования государственного управления он связывал с военным характером российской государственности, сложившимся в ходе исторического развития и имевшим огромное значение в оформлении личности России. И хотя именно «военному началу» Российская империя обязана своим «державным могуществом», но оно было полезно для формирующегося государства, а в процессе его институциональной эволюции становилось вредным. Отсюда делался вывод «о необходимости изменения военных принципов управления страной на гражданские». Кроме этого, неоднозначность исторических оценок Сперанского основывалась на стремлении монархов XVIII века использовать европейский законодательный опыт не для расширения в российском праве принципа законности и усиления общества, а для укрепления абсолютистской государственности, юридического закрепления своих абсолютистских прав, что обуславливало догоняющую модель развития России.

Т.Н. Жуковская

Феномен университетской мемуаристики и проект издания воспоминаний о Санкт-Петербургском университете

История российских университетов отражена не только в законодательстве и официальных документах, но и в памяти членов университетского сообщества. Университетские мемуары о С.-Петербургском императорском университете дают разнообразную информацию об особенностях академической повседневности первой половины XIX в., биографиях и облике студентов и профессоров, а также администраторов просвещения.

В XIX веке университетская мемуаристика стала массовым явлением, поскольку отвечала общественному заказу. В комплексе «петербургских» студенческих мемуаров, в отличие от «московских», или «харьковских», тексты, которые посвящены 1800-1820-м гг., т. е. переходному периоду и началу существования университета в собственном статусе, – единичны. Это можно связать не только с малочисленностью окончивших Педагогический институт и университет в это время, но и с особенностями их происхождения и дальнейшей карьеры после выпуска. Дело в том, что среди студентов 1800-1820-х гг. преобладали казеннокоштные, набранные из числа бывших семинаристов. По окончании обучения многие из них были распределены за пределы столицы и время службы, чаще всего учительской, провели в отдаленных губерниях, не оставив личных архивов и воспоминаний. По своей ментальности и роду занятий «поповичи» не были склонны или не имели времени упорядочивать подробности своих биографий и сохранять их для потомства, независимо от успешности их карьер. Или же их архивы, содержавшие в том числе автобиографические тексты, были утрачены, как архивы А.П. Куницына, А.И. Галича.

Потенциал университетских мемуаров недооценен, в особенности это касается мемуаров, отражающих жизнь академической корпорации дореформенного университета. Историки чаще всего обращались к ним для извлечения каких-либо фактических сведений и иллюстраций к уже готовым схемам, демонстрируя сугубо прагматический подход. Процесс мемуаротворчества универсантов и его особенности оставались за рамками внимания.

Феномен университетской мемуаристики состоит в отражении *коллективной памяти* академического сообщества в его развитии.

В официальных источниках не находят отражения такие сюжеты как отношения профессоров и преподавателей, складывание национальных студенческих корпораций 1830-1840-х гг., дуэли, формы студенческой взаимопомощи, первые сходки конца 1850-х гг., как и тема столкновений с городскими обывателями или встреч с императором Николаем I. Между тем в мемуаристике эти сюжеты присутствуют. Это говорит об ограниченных возможностях делопроизводственных источников представлять повседневные академические и внеакадемические отношения, если они не выходили за рамки профессорского или инспекторского наблюдения или не переводились в разряд особо важных политических дел.

Мемуарный комплекс, как и существующие историописания Петербургского университета, от самых первых его официальных историй¹, отражает концептуальное единство и общие границы университетской памяти, независимо от институциональных преобразований, пережитых университетом в первой трети XIX в. К принципам, на которых основывается современная история университета и ее периодизация (единство

1 Зябловский Е.Ф. Историческая повесть об Учительской семинарии и Педагогическом институте до переименования его в Санкт-Петербургский университет. СПб., 1833; Шульгин И.И. О начале и постепенном возрастании императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1838; Плетнев П.А. Первое двадцатипятилетие Императорского Санктпетербургского университета. Историческая записка... читанная ректором университета Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8 февраля 1844 г. СПб., 1844.

места, единство университетского архива², корпоративное единство его профессорского и студенческого состава) необходимо добавить принцип *единства мемориальных границ*.

Продолжая традиции издания мемуарных источников об университете³, мы разработали проект многотомного, наиболее полного издания этих текстов на современном академическом уровне. Уже подготовленный 1-й том, объемом около 75 а. л. отражает мемориальную историю университетской корпорации с 1800-х до начала 1860-х гг. и включает более 40 текстов, 2,5 тыс. комментариев, вступительную статью. Я выступаю составителем и ответственным редактором тома, автором комментариев, соавтором вводной статьи. В следующем томе будут опубликованы мемуары, отражающие пореформенный период истории С.-Петербургского университета.

Я. А. Васильев

Благотворительная деятельность городских общественных банков Новгородской губернии

Городские общественные банки дореволюционной России задумывались и создавались как учреждения исключительно муниципальные, которые должны были приносить пользу, прежде всего, городскому обществу. Их услугами могли воспользоваться практически все категории городских жителей – и предприниматели (по учету векселей и ссудам под залог), и обыватели (по вкладам), и даже беднейшие горожане, которым банк должен был оказывать помощь благотворительного характера из своих прибылей.

Подобные филантропические пункты о благотворительной деятельности в уставах городскими общественными банками появлялись как по инициативе отдельных учредителей, жертвовавших большие суммы на составление их основного капитала, так и по постановлениям самих городских обществ и городских дум (например, в их приговорах и ходатайствах об учреждении местного городского общественного банка). Однако, если филантропические, человеколюбивые порывы жертвователей являлись проявлением индивидуальных черт их характера, то инициатива городских обществ имела значительную практическую основу.

С одной стороны, это помогало в уплате налогов с неимущих горожан, а с другой – частично снимало социальную напряженность в населенном пункте.

Однако бросать общественные, заработанные банком, деньги на ветер городская верхушка не собиралась, и данная помощь оказывалась, как правило, людям, не потерявшим надежды подняться из нищеты.

Фактический учредитель Тихвинского городского общественного банка С. А. Чаплин, поставил при перечислении денег на его основной капитал обязательное условие, чтобы половина из выделенных им по завещанию денег – 200 тыс. руб. – была направлена на учреждение банка, а вторая – "в пособие беднейших граждан Тихвинского городского общества, нуждающихся в оном от несчастных каких-либо случаев, а не от праздности..." (Земский Н.Д. Тихвинский городской общественный Чаплиных банк // Тихвинец. 1914. № 2. С. 49-53.).

Так же и часть от прибыли, полученной в течение операционного года, Новгородским городским общественным банком направлялась на пособия беднейшим жителям города, которых разыскивал специально для этого учрежденный при банке комитет из шести домовладельцев, причем не все беднейшие горожане смогли

2 Жуковская Т.Н. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804-1819): специфика отражения университетской повседневности // Биографии университетских архивов / под ред. Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной, В.С. Парсамова. М.: Изд.дом НИУ ВШЭ. 2017. С. 114–164.

3 Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. 1819-1895. / Ред. В.В. Мавродин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963; Т. 2: Петербургский — Петроградский университет. 1895-1917. Ред. В.В. Мавродин, В.А. Ежов. Сост. Ю.Д. Марголис, В.П. Яковлев, Г.А. Тишкин и др. Л., 1982.

воспользоваться этой помощью, а только те, которые "впали в это состояние вследствие болезни или иных обстоятельств" (Сведения для всеподданнейшего отчета за 1879 г. // Государственный исторический архив Новгородской области (ГАНО). Ф.104. Д.310. Л.56 об.).

Кроме того, обычной была практика перечисления денежных сумм, направляемых из банковских прибылей на содержание какого-либо объекта независимо от его состояния, например, на нужды богадельни, больницы, школы и т. д. Эта черта являлась характерной для большинства городских общественных банков России, возникших еще до 1861 г.

К 1890 г. сумма, переданная на эти цели городскими банками Новгородской губернии, превысила 500 000 руб. Такие выплаты в Новгородском городском банке в конце XIX — начале XX вв. составляли половину от всей прибыли (от 4 тыс. до 10 тыс. р. в год).

За первые 25 лет работы (1866 – 1891) Новгородский банк 79 тыс. руб. причислил к основному и запасному капиталу, а остальные 148 тыс. отчислил на городские и общественные потребности.

По уставу банка его прибыль распределялась за 25 лет следующим образом:

45 % – причислялось к капиталу банка;

25 % – на городские богадельни – 61 тыс. руб.;

10 % – на общественные городские училища – 28 тыс. руб.;

5 % – на городские надобности – 50 тыс. руб.;

5 % – на вспомоществование беднейшим жителям города -13 тыс. руб.
на бедных девиц, выходящих замуж – 4,5 тыс. руб.

Городские общественные банки оказывали муниципальным органам управления и городским обществам еще один вид услуг, уже не связанный с чистой благотворительностью – денежные ссуды на конкретные цели и определенные сроки под проценты, например, содержание детских приютов, богаделен, публичных библиотек, городских общественных ломбардов и др.

К.В. Проничева

Д. В. Григорович и «художественная промышленность» в России в 1860-е гг.

Первая Всемирная выставка, или как ее тогда называли «Великая выставка промышленных изделий всех стран», состоялась в Лондоне в 1851 г. Инициатором выставки стал принц Альберт, который после ее завершения поручил Готфриду Земперу — немецкому архитектору, тогда в эмиграции в Лондоне, подвести итоги выставки и обозначить ее самые существенные уроки. Год спустя, в 1852 г., вышла статья Земпера «Наука, промышленность и искусство», где автор констатировал очевидное отставание английской промышленности от французской в том, что касается внешнего вида промышленных изделий, и убеждал в необходимости «всенародного воспитания вкуса». По мысли Земпера, если у английского производителя и у английского потребителя улучшится вкус, то английские промышленные товары станут более привлекательными и конкурентоспособными как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Статья Земпера имела большой успех, и термин «художественная промышленность» (Industrial Art, art industriel, Kunstgewerbe) довольно быстро распространился по Европе. Под ним подразумевались те отрасли промышленности, где большое значение имел внешний вид изделий (керамика, стекло, ювелирные изделия, бронза, обои, мебель, ткани и т. д.). Начиная с 1880-х гг. английский термин «художественная промышленность» все больше вытесняется французским термином «декоративно-прикладное искусство», что было связано с созданием Музея декоративных искусств в Париже. В наши дни наиболее близким к термину «художественная промышленность» является понятие «предметы роскоши».

В России термин «художественная промышленность» становится популярным в

1860-е гг., что было связано с деятельностью писателя и секретаря Общества поощрения художеств Д. В. Григоровича (1822-1899). В докладе рассматривается становление взглядов Д. В. Григоровича на «художественную промышленность» и его деятельность, с оглядкой на Запад, по распространению этого понятия в России в 1860-е гг. — теоретические работы, участие в создании художественно-промышленного музея при Строгановском училище в Москве, реформа Рисовальной школы при Обществе поощрения художеств и основание художественно-промышленного музея в Петербурге.

Лукоянов И. В.

Сибирская железная дорога: планы строительства и борьба за их воплощение (Лукоянов И. В. Сибирская железная дорога: замыслы, проекты, воплощения // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 38-51)

В исследованиях до сих пор крайне мало внимания уделялось альтернативным проектам строительства Транссиба, которые появились в 1880-е гг. Помимо уже известного проекта Н.В. Копытова, представляют интерес планы А.Д. Старцева.

Крупный по меркам региона торговец из Тяньцзиня не только выступил с идеей русской железной дороги в Китае, но пытался получить с помощью Ли Хунчжана разрешение на трассу из России до Пекина, причём проект отрезка Калган-Урга был уже подготовлен. Чтобы максимально удешевить строительство, предполагалось первоначально использовать на дороге не машинную, а верблюжью тягу (якобы это обошлось бы всего в 2 млн лан). А.Д. Старцеву пытался также помочь российский посланник в Пекине А.М. Кумани, но денег они так и не добыли.

С самого своего назначения министром финансов С.Ю. Витте сделал ставку на скорейшую реализацию проекта Сибирской железной дороги, в корне поменяв его содержание и оказав сильное давление для реализации новых идей. Так, история с «сибирскими рублями» сохранила документальные свидетельства финансовых рисков: параграф 6 проекта положения о «сибирских кредитных билетах» предполагал хождение новых денежных знаков по всей империи, без каких-либо ограничений [Положение о сибирских кредитных билетах (проект) // РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 6. Л. 27–28]. Погашение этой эмиссии в первоначальном плане не предполагалось, из-за чего С.Ю. Витте столкнулся с несогласием нескольких опытных сановников (Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградский, Н.М. Чихачёв), настаивавшими на оформлении эмиссии как временного заимствования средств у Государственного банка.

Также уже в 1894-1895 гг., задолго до заключения соглашения с Китаем, были свёрнуты изыскательные работы по трассе вдоль Амура, а основная их тяжесть была перенесена на Маньчжурию, в том числе по направлению к Ляодунскому полуострову (от Бодунэ до Ляодунского залива [Телеграмма товарища министра путей сообщения – М.И. Хилкову 22 июня 1895 г. (копия) // РГИА. Ф. 364. Оп. 6. Д. 198. Л. 14]) и границе с Кореей.

Параллельно менялась идеология проекта. Вместо стратегического значения Транссиба в конце 1894 г. чиновник Министерства финансов, действительный статский советник Н.П. Забугин в записке о некоторых вопросах, касающихся русско-китайской торговли, уже провозглашал, что Сибирская железная дорога «должна сделаться транзитной для передвижения пассажиров, почты и ценных грузов между Европой и Дальним Востоком», способствуя также поиску новых рынков для российской промышленности [Записка Н.П. Забугина по некоторым вопросам, касающимся торговых сношений России с Китаем, переданная А.П. Кассини 30 октября 1894 г. // РГИА. Ф. 20. Оп. 6. Д. 886. Л. 119–119 об.]. В российском правительстве надеялись, что дорога сможет содействовать экспорту российского хлеба в Китай, «особливо если бы оказалось возможным проложить соединительную рельсовую ветвь в пределы Китайской империи»

[Справка о торговых сношениях России с Китаем (составлена канцелярией Комитета министров), б/д. [1893 г.] // РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 264. Л. 29, 39 об.].

В целом ранний этап формирования виттевских планов (середина 1890-х гг.) известен мало, между тем он интересен как своеобразная лаборатория поиска и кристаллизации решений, которые существенным образом изменили проект Сибирской железной дороги на основе иной концепции – создания транзитной экономической магистрали мирового значения и инструмента экономической экспансии России в Китай на бюджетные деньги. Существование альтернативных проектов, которые были заглушены, говорит о возможности иного, менее агрессивного и опасного, образа действий России в регионе.

В. В. Лапин

Опыт использования людских ресурсов Российской империи и введение всеобщей воинской повинности на Кавказе. XVIII – начало XX вв. (Статья опубликована в журнале «Вопросы истории» 2021. №12)

Для Российской империи жизненно важной являлась мобилизация людских ресурсов в военных, преодоление на этом пути препятствий, коренящихся в отсутствии этнической, религиозной и культурной гомогенности населения.

На Кавказе вопрос о привлечении местных жителей на военную службу стоял особенно остро в связи с огромными санитарными потерями, которые в десятки раз превышали боевые потери.

Военно-стратегическая обстановка вынуждала держать в регионе значительные воинские контингенты, а переброска войск из центральных губерний была длительной и сложной операцией из-за особенностей коммуникаций [4, с. 198-200, 210-231, 266-269].

Заинтересованность правительства в использовании людских ресурсов этого региона объяснялась также хорошими воинскими качествами здешних народов по оценке офицеров генерального штаба.

К началу активной фазы включения Кавказа в состав России, у правительства уже имелся опыт пополнения армии за счет нерусского населения. Но по разным причинам рекрутчина и казачья форма воинской повинности не годилась для этого края.

В дореформенный период правительство не решилось на шаги, направленные на введение рекрутчины на Кавказе даже среди христиан, поскольку даже слухи о таковой приводили к мятежам.

Традиционная военная организация народов и государств Кавказа строилась на принципах, расходящихся с основами рекрутчины и регулярной армии как таковой. Воинская дисциплина и субординация – краеугольные камни регулярной армии XVIII-XXI вступали в противоречие со многими реальностями края.

Для русского крестьянина запись в казаки означало повышение социального статуса и в большинстве случаев – несомненную экономическую выгоду. Горцы, грузины, армяне и азербайджанцы никаких преимуществ для себя в войсковом сословии не видели. Этот вариант требовал сложных и рискованных мер по переделу земельных угодий.

Россия к началу XIX века приобрела значительный опыт в использовании временных национальных формирований, создание которых не требовало больших административных усилий, финансовых затрат в мирное время, не затрагивало основ социальной организации народов и соответствовало их представлениям о военном деле.

В начале 1870-х гг. было принято принципиальное решение о наборе в регулярные войска (со значительными облегчениями на первых порах) только христиан. Мусульмане платили специальный налог и могли поступать в войска на добровольной основе.

Уроки использования имперским центром местных людских ресурсов на Кавказе были очень важны и по возможности учитывались при разработке проекта всесословной повинности в этом регионе, а также при его реализации.

В обсуждении вопроса о распространении воинской повинности на нерусское население имело место разделение на два лагеря («теоретики» и «практики»). Первые выступали за привлечение всех к службе в армии без учета их национальности, вероисповедания и особенностей быта. Для них роль вооруженных сил как инструмента русификации и интеграции стояла фактически на первом месте. «Практики» выступали за постепенность уравнивания всего населения империи в несении воинской повинности.

Государственные и военные деятели, возражавшие против ускоренного введения воинской повинности на Кавказе по общегосударственным стандартам, в своих аргументах в большей степени опирались на многолетний опыт Российской империи. Сторонники же радикальных преобразований в этой сфере считали более важным (и возможным) претворение в жизнь идеи об армии, как о мощном механизме имперской интеграции.

А.Ю. Фолин

Первая русская революция и проблема патриотической пропаганды в войсках

Первая русская революция была временем небывалого общественного подъема. Доминирование противников режима в публичном пространстве заставило охранителей выйти на политическую сцену и начать с ними борьбу. Первоначальная растерянность правительства перед натиском «освободительного движения» побуждала консерваторов из «публики» проявлять инициативу. Относительно своих оппонентов реакционное движение казалось инертным и разобщенным, однако охранительная мобилизация частично затронула группы, декларировавшие свою принципиальную аполитичность, в том числе армейское офицерство. В создавшихся условиях некоторые военные считали своим долгом ради «спасения отечества» принять участие в политической борьбе, хотя бы давая официальным лицам ценные, как им казалось, рекомендации по преодолению текущего кризиса и сплочению народа.

С другой стороны, в правительственной среде также росло понимание недостаточности одних лишь репрессивных мер в борьбе с революционной агитацией. В 1905–07 гг. армия фактически выполняла полицейские функции и ее лояльность уберегла режим от краха. Однако в тогдашних условиях эта лояльность далеко не казалась гарантированной. Информационный фон был крайне неблагоприятен для власти, и распространение в войсках различного рода антиправительственной пропаганды вызывало немалую обеспокоенность военной администрации.

Организация государственной пропаганды на качественно новом уровне являлась насущной проблемой. Официальные инстанции и должностные лица неоднократно указывали на неэффективность применявшихся методов борьбы с революционной агитацией. Ресурс официальных изданий Военного министерства был признан недостаточным. Статус правительственного органа накладывал на редакционную политику существенные ограничения. Газета «Русский инвалид» не могла выдержать конкуренцию с частной прессой, имевшей возможность свободно высказываться на интересовавшие общество темы. Выход видели в финансовой поддержке охранительных частных военных изданий. В желающих предоставить свои услуги в деле борьбы с «разлагающим» влиянием гражданской печати и революционной пропаганды не было недостатка. В данном случае предложение скорее опережало спрос.

С.В. Куликов

Создание основных государственных законов 1906 г.: предварительные итоги изучения

Утвержденные Николаем II 23 апреля 1906 г. Основные государственные законы Российской империи стали первой отечественной действующей конституцией не только в формальном, но и в материальном смысле. Тем не менее, история их создания до сих пор

не удостоивалась особого изучения, хотя о самих Основных законах 1906 г. существует солидная историография, традиции которой были заложены уже тогда же, в 1906 г. Но одно дело – изучать Основные законы 1906 г. как конституционный акт или спорить о том, являлись ли они настоящей конституцией, а другое дело – изучать историю их создания, чему посвящены всего лишь несколько статей дореволюционных авторов. Однако еще выдающийся российский правовед Н.С. Таганцев писал в 1918 г., что история создания Основных законов 1906 г. достойна «серьезной юридико-исторической работы, которая охватила бы не только ход событий этого коренного преобразования государственного уклада России, но и дала бы возможность обрисовать фигуры главных деятелей этого периода...».

Настало время подвести предварительные итоги многолетнего изучения автором настоящего доклада истории создания первой российской конституции, опираясь на его, ранее вышедшие, работы и подготовленные им к изданию новые источники по теме. Главный из этих источников – воспоминания «К истории пересмотра Основных законов», написанные видным государственным деятелем начала XX в. Петром Алексеевичем Харитоновым (1852 – 1916), составителем их главного проекта, и впервые опубликованные в сокращении – в 1996 г., полностью – в 1998. Небольшие воспоминания П.А. Харитонova являются своего рода ключом к изучению всей истории создания новых Основных законов, с октября 1905 по апрель 1906 г., поскольку только Харитонов кратко, но емко, осветил все этапы этой истории и указал на ее главных действующих лиц, начиная с императора Николая II.

Именно царь после издания Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» инициировал создание новых Основных законов, поскольку в Манифесте поручил кабинету графа С.Ю. Витте подготовить дарование населению гражданской свободы на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов, расширение общего избирательного права и превращение учрежденной 6 августа 1905 г. законосовещательной Государственной думы в законодательную. Николай II хорошо осознавал, что провозглашенное Манифестом 17 октября «обязательство проводить всякий законопроект через Госуд[арственную] думу, - писал он 19 октября 1905 г. матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, - это, в сущности, и есть конституция».

Из предварительных итогов изучения истории создания Основных государственных законов 1906 г. видно, что инициированный Николаем II и контролируемый монархом процесс их создания прошел несколько этапов:

1) составление товарищем (заместителем) государственного секретаря П.А. Харитоновым при участии сенатора Н.П. Гарина, директором Александровского лицея А.П. Саломоном и начальником Военно-походной канцелярии царя графом А.Ф. Гейденом при участии Саломона трех проектов новых Основных законов, причем лидирующее положение среди них занял проект Харитонova (октябрь – декабрь 1905 г.);

2) переработка проекта Основных законов П.А. Харитонova, с учетом проектов А.П. Саломона и А.Ф. Гейдена, высшими чинами Государственной канцелярии под общим руководством председателя Государственного совета графа Д.М. Сольского и непосредственным – государственного секретаря барона Ю.А. Икскуля-фон-Гильденбандта (январь – февраль 1906 г.), после чего проект Харитонova стал называться проектом Основных законов Государственной канцелярии;

3) переработка проекта Государственной канцелярии Советом министров под председательством графа С.Ю. Витте (март 1906 г.), в результате чего появился проект Основных законов Совета министров;

4) обсуждение проекта Совета министров, с учетом проектов Государственной канцелярии и профессора О.О. Эйхельмана, Особым совещанием под председательством Николая II по пересмотру Основных законов (апрель 1906 г.) и

5) завершающий этап создания новых Основных законов, связанный с их последней доработкой при непосредственном участии Николая II и с утверждением их окончательной редакции царем 23 апреля 1906 г.

«Отцами-основателями» первой отечественной действующей конституции могут быть названы Николай II, П.А. Харитонов, Н.П. Гарин, А.П. Саломон, граф А.Ф. Гейден, граф Д.М. Сольский, барон Ю.А. Икскуль-фон-Гильденбандт, участники Совещания высших чинов Государственной канцелярии 14-19 января 1906 г., И.И. Тхоржевский, барон Э.Ю. Нольде, граф С.Ю. Витте, члены Совета министров, О.О. Эйхельман, участники Особого совещания, заседавшего под председательством императора.

Изучение истории создания Основных государственных законов 1906 г. дает ответ и на вопрос о том, чем они были с точки зрения их создателей, что, в данном случае, представляется принципиально важным. И для Николая II, и для авторов проектов новых Основных законов, и для участников совещаний, на которых обсуждались эти проекты, они являлись именно конституцией, т.е. учредительным актом, ограничивавшим самодержца, как минимум, в законодательстве, а как максимум – и в управлении.

М. М. Сафонов

Неизвестный экземпляр акта об отречении Николая II

2 марта 1917 г. Николай II сделал запись в своем дневнике об отречении от престола. Она начинается с рассказа о том, как главнокомандующий Северным фронтом Н.В. Рузский доложил ему о необходимости абдикации, и заканчивается словами: «Кругом измена и трусость, и обман!». После публикации фрагментов дневника расстрелянного Николая II фраза последнего самодержца стала крылатой, а Рузский воспринимался едва ли не как главный виновник гибели монархии и крушения империи. Предвидя такое развитие событий, главкосев, когда покидал свой пост, предусмотрительно снял копии с документов штаба и Ставки, составил из них сборник, сопроводив их своими примечаниями. Чтобы оправдаться, главкосев намеривался написать записки. Но казнь Рузского 1918 г. не позволила осуществить этот замысел. Собеседник генерал С.В. Вильчковский, убежденный монархист, бывший царскосельский главкосева смотритель дворцовых зданий выполнил его посмертную волю. В 1922 г. он обнародовал в Париже сборник Рузского и подробный комментарий к нему, написанный «по мотивам» его рассказов. Сборником Рузского пользуются все исследователями отречения, но никто не подвергал источниковедческому анализу его как единый корпус. Сделать это было легко: подлинники в большинстве сохранились и были дважды опубликованы в 1927 г. Центрархивом и в 2019 г. РГВИА. Сопоставление подлинников с копиями сборника вскрывает тенденциозность его составителя. В копиях изменены даты подлинных документов, а это изменение искажает последовательность событий и их взаимовлияние.

В сборнике Русского есть уникальный, на первый взгляд, исторический документ: неизвестный экземпляр акта отречения Николая II. Под № 40 здесь размещена высочайшая телеграмма, содержащая текст абдикационного акта. Она отправлялась начальнику штаба Ставки, а копии главомам флотов и фронтов. В примечании сообщалось, что манифест составлен 2 марта 1917 г. в 24 ч. ночи с 2-го на 3-е марта. Этот документ интересен прежде всего тем, что подлинной телеграммы, посредством которой текст абдикационного акта из Пскова, был отправлен в Могилев наштаверху М.В. Алексееву, до сих пор обнаружено. Неизвестно, когда именно и каким путем в Ставке получили текст абдикационного документа. В публикациях 1927 и 2019 гг. отсутствие такой телеграммы не объяснено. Из материалов Ставки явствует, что еще в 2. 57 утра 3 марта Алексей еще не располагал таким документом, хотя наштаверх заклинал главкосева, что дорога каждая минута. Высочайшая телеграмма в сборнике идеально вписывается официальную версию отречения, озвученную В.В. Шульгиным и А.И.

Гучковым по возвращении из Пскова. Но в ней уже исправлены все те «дефекты», которые содержались в акте, привезенном посланцами Думы в столицу и воспроизведенном впоследствии на фотографиях и факсимиле. Эта «правильность» и вызывает сомнения. Очевидно, составитель позаботился о том, чтобы он по форме выглядел безукоризненно и не вызывал у читателя ненужных вопросов.

Но, если акт отречения действительно был подписан в полночь с 2-го на 3 марта, то почему же он не был передан сразу же после подписания указанным адресатам, ведь время шло буквально на минуты. Из подлинных материалов Ставки явствует, что главкозапу текст акта из Могилева был передан только в 4. 38 утра, не раньше и главкоруму. Неужели же изготовление «дубликата», которое якобы вызвало задержку, потребовало столько времени? В 2018 г. мне с моим соавтором А. И. Рупасовым удалось обнаружить в ЦГАВМВ подлинную телеграмму Рузского комплота Балтийского моря А.Н. Непенину, посредством которой текст акта отречения передали в Гельсингфорс, где он не позже 8 ч. утра 3 марта был обнародован в Ревеле. Эта самая ранняя из известных телеграмм с текстом абдикационного акта, отправленная из Пскова и полученная Непениным в 3. 00 утра. Этого вполне достаточно, чтобы признать, что высочайшая телеграмма с текстом абдикационного акта, якобы составленного в 24 часа 2 марта 1917 г., и как будто отправленная из Пскова по указанным адресам, является фальсификацией.

Сборник Рузского воплощал в себе концепцию отречения, полностью снимавшую какую-либо долю вины за произошедшее с его составителя. В своих рассказах Рузский сбивчиво и невнятно излагал подробности того, как был составлен и подписан акт отречения. То, что он попытался конкретизировать и максимально согласовать составление акта с официальной версией лишь усиливает подозрение в том, что в изготовлении того документа, который Шульгин и Гучков привезли из Пскова, главкозев играл немаловажную роль.

Л.А. Булгакова

Психиатрия в блокадном Ленинграде

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с материалами о работе психиатрических учреждений в блокадном Ленинграде, это отношение к психически больным людям. В тяжелейших условиях блокады их спасали и лечили наряду с другими больными. Когда психиатрическая больница № 1 им. Огюста Фореля на пр. Стачек оказалась на линии фронта, 1300 больных перевезли подальше от переднего края обороны города, распределив по ленинградским больницам и госпиталям. Значительная часть «форелевцев» поступила в психиатрическую больницу № 2 («Николая Чудотворца») на набережной р. Пряжки. При переезде какая-то из санитарок заявила: «Спасаем не нужных ни на что сумасшедших, а сами гибнем». Двое медиков согласились: «Да, спасти надо нужных людей». На Пряжке больных на нужных и не нужных не делили, спасали свой контингент больных: шизофреников, эпилептиков, параноиков, олигофренов и т. д. Их нельзя было распустить по домам, они были беззащитны и нуждались в присмотре, а некоторые из них представляли социальную опасность.

С началом войны численность психически больных существенно не изменилась. Врачи ожидали большого наплыва душевнобольных, травматиков, переживших психическую травму, и больных с обострением хронических болезней. Однако их оказалось гораздо меньше, чем ожидалось, а симулянтов совсем не было. Врач-психиатр С.А. Сокольская, воспоминания которой мы готовим к печати, участвовала в работе военной комиссии и отмечала, как мало людей приходилось освобождать от военной службы. «Мне кажется, что это и нас настраивает как-то на мужество, даже на подвиги. <...> Как мало жалуются, как скупое рассказывают о тяжелой теперь их военной жизни. <...> Да, это большое и какое-то массовое мужество», - писала она.

Больных лечили с использованием инъекций глюкозы и инсулина, старались поддерживать их физически и морально, боролись с последствиями алиментарной дистрофии. Большое значение имели личные качества главврача. Так, главврач 2-й психиатрической больницы Т.Я. Хвиливицкий разрешил врачам жить в больнице, сдать продовольственные карточки и питаться из общего котла. У больницы имелась своя пекарня и оставался какой-то запас муки с довоенного времени, что позволяло рациональнее организовать питание медперсонала и пациентов в то время, когда каждая крошка хлеба была на счету. Сокольская с огромным уважением относилась к разносторонней деятельности главврача и называла его «нашим спасителем».

До войны, в 1930-х гг. много внимания уделялось трудотерапии и культтерапии. Среди психически больных встречались способные и даже творчески одаренные люди. Культурная программа включала в себя театральные представления, устраивались выставки-продажи изделий больных. В блокаду, чтобы отвлечь больных от тяжелых переживаний и вывести их из депрессивного состояния, Хвиливицкому иногда удавалось приглашать артистов, которые устраивали маленькие представления, сопровождавшиеся восторженными аплодисментами зрителей. В награду артистов угощали больничным ужином с винегретом и киселем в неограниченном количестве. «И какие же довольные, веселые уходили они в зимнюю студеную темень по совершенно черным переулкам пешком километра три», - вспоминала Сокольская.

До медиков доходили слухи о злодеяниях фашистов в психиатрической больнице в Сиворицах под Гатчиной, где был беспощадно уничтожен персонал и больные. Фашисты безжалостно расправились с больными в Центральной областной психиатрической больнице под Новгородом. Отношение к душевнобольным в Советском Союзе резко контрастировало с тем, что происходило в гитлеровской Германии, где в борьбе за «чистоту арийской расы» десятки тысяч людей с психическими заболеваниями подверглись принудительной стерилизации, кастрации и эвтаназии во избежание от «генетического мусора». То, что творили на территории СССР и других стран оболваненные нацистской пропагандой «чистые арийцы», кичившиеся своим мнимым расовым превосходством, заставляет усомниться в их психической полноценности. Одержимые преступными идеями люди в массе становятся гораздо опаснее душевнобольных.

С.К. Лебедев

Отчет по теме госзадания ОНИР-2021

1. По коллективной теме отдела «История Российской империи: институты государства, динамика социума и экономическое развитие» в 2021 г. (по направлению 103 Программы фундаментальных исследований «Проблемы теории исторического процесса; обобщение опыта социальных трансформаций и общественный потенциал истории») работали Т.В. Андреева, Е.В. Анисимов, Я.А. Васильев, И.В. Лукоянов, С.В. Куликов, П.В. Ильин, М.В. Друзин, А.Ю. Фомин, К.В. Проничева, Т.Н. Жуковская, С.К. Лебедев. В отчетном году предложена и утверждена новая плановая тема на ближайшее трёхлетие: «Российская империя: структуры государства, социум и экономика». Основные направления научного поиска: модернизация государства и кризисы в отношениях власти и общества на протяжении XIX – начала XX в.; роль государства и частного начала в индустриализации, развитие форм капитализма. Исполнители работ по теме понимают и пытаются, максимально используя палитру современных информационных возможностей и методов источниковедения, проанализировать сложный и многообразный характер государственных предпочтений империи и частных интересов, изучать происходившие в России процессы на международном фоне.

Результаты 2021-года выразились в подготовке свыше 40 публикаций: вышли 2 книги (издание 2-х подготовленных книг перенесено на 2022 г.); 8 статей в базах WoS и

Scopus. По теме госзадания сделано на 21 конференции 28 докладов: на 2-х международных, 15-ти с международным участием, 4-х региональных. Регулярно проходили ежемесячные заседания научного семинара «Россия в Новое время (XVIII – начало XX вв.): государство и общество» (совместно с Отделом источниковедения). В отделе в 2021 г. готовили диссертации 11 аспирантов, докторантов и соискателей.

2. Тема исторической памяти и исторической политики в последние десятилетия заняла заметное место в мировой историографии. Всё чаще исследователей привлекает не только история побед, но неудач. Отметим в этой связи документ, касающийся русских военных реликвий XIX-начала XX в. в храмах и музеях Японской империи, которые служили целям военной пропаганды до и после русско-японской войны 1904-1905 гг.

В конце 1945 г. С.Н. Марков (1906-1979), путешественник, и литератор, направил адмиралу флота И.С. Исакову (тогда первому заместителю наркома ВМФ СССР) записку о русских военных реликвиях в Японии. Марков пишет, что в 1854 г. в руки японцев попали морские орудия с русского фрегата «Диана», погибшего на рейде Симода. Орудия Дианы послужили образцами для отливки первых японских пушек европейского типа (в 1850-х гг. Япония ещё не была открыта для европейских технологий). Ими тогда были вооружены береговые батареи в Токио и других городах. В 1880 г. эти орудия хранились в Арсенальном музее, Морском училище и в порту Токио. Марков отмечал, что образцы русского вооружения и другие реликвии могли попасть в руки японцев и после ликвидации Муравьевского поста на Сахалине в 1854 г. Марков сообщает, что на о. Цусима, в бухте Посадник, в 1861 г. была основана русская морская база близ г. Фачу (Ицзу-хар, Ицзугахара), с укреплениями и верфями. В 1878 г. на Курилах (о. Уруп) японцы разрушили укрепление и склады Российско-Американской компании в гавани Кобуне. Пушки, русское вооружение и др., по предположению Маркова, были вывезены в Японию, на Хоккайдо. В «русской деревне» Иноса близ Нагасаки, с 1880-х гг. находилась постоянная стоянка кораблей русской Тихоокеанской эскадры. Там были могилы моряков, памятники, строения, госпитали, мастерские. В начале XX в. в Иноса хранились письма, фотографии, книги, принадлежавшие русским морякам. В 1905 г. японцы захватили и увезли целиком Сахалинский музей в Александровске. Особенную ценность представляли богатые этнографические коллекции по айнам, собранные в 1890-х и 1910 г. Л.Я. Штернбергом. Одновременно японцы похитили и увезли архив Командорских островов с документами по истории котиковых промыслов.

После русско-японской войны победители устраивали выставки и музеи с русскими реликвиями. В 1905 г. в Военном музее Токио «Имукван» находился золотой орел с «Варяга», морские пушки, оружие, в музее Токийского Арсенала хранились коллекции русского оружия. В 1908 г. русские путешественники видели русские пушки в Осака. Стены храма Кинко-Куиджи близ Киото были украшены образцами русского оружия. Русские пушки стояли и у замка в г. Кумамото. В том же году японцы восстановили канонерки «Кореец» и «Бобр», а Порт-Артур был превращён в военный музей.

Марков предложил потребовать, на правах победителей в советско-японской войне 1945 г., возвращения всех русских реликвий, включая несколько ценных библиотек русских миссионеров в Японии. Адмирал И.С. Исаков приказал составить 3 копии с этой записки. Неизвестно, дошло ли дело до официального требования реституции русских музейных и библиотечных фондов из музеев Японии, но в начале 1946 г. Маркову позвонил Сталин и рекомендовал ему исследовать исторические права России на Аляску и деятельность Русско-Американской компании (Марков ещё в 1930-е гг., будучи в ссылке, работал с архивом этой компании в Вологде). В 1946 г. вышла книга Маркова «Русские на Аляске» в серии «Библиотека офицера ВМС». Между тем адмирал Исаков в феврале 1946 г. стал начальником Главного штаба ВМФ СССР, заместителем главкома ВМФ, и сам занимался литературным творчеством, по-видимому, поддерживая Маркова. В дальнейшем С.Н. Марков опубликовал ряд статей и работ популярного и

беллетристического жанра на эту тему⁴. Он стал членом Географического общества (1946) и Союза писателей СССР (1947). Его книга об Аляске выдержала 9 изданий до 1980 г.

Отдел современной истории России и Новгородская группа

В.И. Мусаев

Иноконфессиональные христианские общины на Северо-Западе России в 1900-е – 1930-е гг.

На протяжении отчетного периода велась работа по завершению плановой темы «Иноконфессиональные христианские общины на Северо-Западе России в 1900-е – 1930-е гг.». Работа завершена, монография готовится к сдаче в печать.

По результатам проведенного исследования сделаны следующие выводы. Тезис о полиэтничном и поликонфессиональном характере Российского государства особенно рельефно проявлялся на Северо-Западе России: численность и удельный вес последователей неправославных христианских исповеданий здесь традиционно были особенно значительными. При этом положение различных общин на разных временных отрезках было неодинаковым. Политика властей по отношению к ним на протяжении рассматриваемого периода претерпевала изменения в связи с различными объективными и субъективными факторами, и именно в северо-западном регионе эти перемены проявлялись с особой наглядностью.

Традиционно несколько в несколько более благоприятном положении находились евангелическо-христианские общины, наиболее многочисленные в Петербургской губернии. Связано это было с тем, что немало лютеран издавна находились на государственной и военной службе в империи, некоторые из них достигали весьма высоких постов. Следует также иметь в виду и давние матримониальные связи российской императорской династии с правящими домами германских государств, преимущественно лютеранскими: именно из этих домов происходили жёны наследников российского престола. Супруга великого князя Александра Александровича, ставшего затем императором Александром III, датская принцесса Дагмара, принявшая в замужестве имя Марии Федоровны, также происходила из лютеранской страны. Хотя при замужестве эти принцессы переходили в православие, они, а вместе с ними и весь императорский двор, продолжали поддерживать связи со своими лютеранскими родственниками. Всё это сказывалось и на отношении к лютеранам – жителям России. К примеру, можно вспомнить, как много сделали для местных лютеран Павел Петрович, будучи ещё наследником престола, и его супруга Мария Федоровна, урождённая вюртембергская принцесса София Доротея Августа Луиза. При этом в Петербургской и соседних северо-западных губерниях отношения между православными и лютеранами были свободны от того напряжения, которое периодически возникало в межконфессиональных отношениях в Финляндии и Прибалтике.

Положение католиков было несколько более сложным в виду застарелых предубеждений против экспансионистских устремлений Римской курии в духовно-религиозной сфере и активности, реальной или вымышленной, католического духовенства в самой России, в первую очередь в её западных губерниях. Сказались и последствия польских восстаний 1931 и 1863–1864 гг., в ходе которых католическое духовенство

⁴ Русские люди на Курильских островах. — Пенза: Изд-во газ. «Сталинское знамя», 1946. — 12 с.; Русские на Аляске. — М.: Воениздат, 1946. (Б-ка офицера ВМС.) — 152 с.; Летопись Аляски. [Изд. 2-е.] — М.—Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948. — 223 с.; Юконский ворон. [Повесть о путешествии лейт. Л. А. Загоскина по Аляске в первой половине XIX в. и летопись Аляски / Илл.: В. С. Житнев.] — М.—Л.: Изд-во Главсевморпути, 1946. — 336 с.

поддерживало повстанцев. Хотя на Северо-Западе члены не слишком многочисленных местных католических общин не имели ко всему этому отношения, вводимые властями ограничения против католических церковных структур сказывались и на них. Неровным также было развитие жизни свободных протестантских общин, которые распространялись в России во второй половине XIX в. и имели имперскую столицу в качестве одного из основных центров своей активности. Настороженность православных иерархов и светских властей по отношению к этим общинам была связана с опасениями их «вредного» влияния на православных. Членами католических и лютеранских общин в России в подавляющем большинстве были представители этнических меньшинств, случаи переходов православных русских людей в католичество или лютеранство были крайне редкими. В то же время, в евангелические, баптистские и прочие свободные общины нередко вступали «отпавшие» от православия. Прозелитизм свободно-церковников особенно раздражал церковные и светские власти, с чем и были связаны довольно жёсткие ограничения, которые периодически налагались на деятельность этих общин. Даже подписание указа об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г. и других законодательных актов, способствовавших либерализации государственной религиозной политики, ненадолго изменило ситуацию: через несколько лет ограничения в отношении свободных общин начали вводиться снова.

В условиях первой мировой войны в наиболее неблагоприятном положении оказались как раз та конфессия, которая ранее пользовалась особым расположением со стороны власти – евангелическо-лютеранская. Поскольку ведущая роль в руководстве лютеранскими общинами в России играли немцы, в делопроизводстве Евангелическо-лютеранской генеральной консистории доминировал немецкий язык, лютеранская вера воспринималась во многом как «немецкая». Это негативно сказалось на положении лютеран в России в условиях, когда основным военным противником России была Германия. В ряде других российских регионов немцы действительно составляли большинство среди лютеран. В лютеранских общинах на Северо-Западе они преобладали только в самом городе Петрограде, тогда как на территории губернии и тем более в соседних губерниях лютеранами были в основном представители других национальностей: по удельному весу немцы занимали по региону лишь третье место. Тем не менее, антинемецкие меры, принимавшиеся властями в военные годы, в известной степени трансформировались в антилютеранские. Другие конфессии также пострадали, хотя и в меньшей степени, вследствие своих давних зарубежных связей, а в ряде случаев также из-за антимилитаристских настроений. Наиболее благоприятным для инославных общин оказался кратковременный период, когда у власти находилось Временное правительство. Хотя доминирующее положение Православной церкви как государственной оставалось неизменным, последователи других исповеданий также получили самые широкие права, которых они не имели ни до, ни после этого периода.

Установление советской власти осенью 1917 г. привело к радикальным переменам в государственной религиозной политике. Новое коммунистическое руководство страны взяло курс на построение атеистического общества. Для инославных исповеданий ситуация, сложившаяся в первые годы новой власти, складывалась неоднозначно. С одной стороны, законодательные ограничения, конфискационные мероприятия властей имели негативные последствия в том числе и для них. С другой стороны, в конце 1910-х и в 1920-е гг. давлению подвергались прежде всего структуры Православной церкви как бывшей государственной, наиболее влиятельной в духовной сфере и располагавшей обширным движимым и недвижимым имуществом. Другие исповедания пострадали не в такой степени. К тому же пресловутый закон об отделении церкви от государства, покончивший с монополией РПЦ в духовной сфере общественной жизни, уравнивал в правах все конфессии. Более сложное положение католических общин, по сравнению с другими конфессиями, объяснялось отчасти сложностями в советско-польских отношениях. Как ни парадоксально, могло сказаться и влияние застарелых предубеждений

против католиков, которые новая атеистическая власть, возможно, подсознательно унаследовала у прежней. В тот же период обозначились новые черты в межконфессиональных отношениях. С одной стороны, возросшая активность свободных общин, пользовавшихся затруднениями, которые испытывали более традиционные исповедания, вызывала со стороны последних тревогу и озабоченность, не меньшую, а подчас и большую, чем атеистическая пропаганда. С другой стороны, в условиях общей угрозы проявлялись признаки межконфессиональной солидарности, не вполне характерные для более ранних времён, в том числе между православными и католиками.

Новое наступление государства на религию и церковь, начавшееся на рубеже 1920-х – 1930-х гг., имело роковые последствия для всех конфессий. На этот раз атеистическое наступление имело тотальный характер: ставилась цель полного искоренения «пережитков прошлого», к которым относилась и религия. Во второй половине 1930-х гг., во время «большого террора» на преследования священнослужителей, проповедников и религиозных активистов неправославных конфессий наслои́лась общая борьба со «шпионажем» и «буржуазным национализмом», репрессии направлялись против представителей «диаспор», в том числе даже иностранных коммунистов, работников национального просвещения, печати и т. д., вполне лояльных по отношению к власти, которые ранее даже сами активно участвовали в атеистической пропаганде. Теперь же и они, вместе с лютеранскими пасторами, католическими ксёндзами и проповедниками свободно-церковных общин, оказывались в жерновах карательной машины. О результатах большого террора для инославных исповеданий уже говорилось – они подверглись почти тотальному уничтожению. На протяжении второй половины XX в. происходило медленное восстановление религиозной жизни, в том числе неправославных христианских исповеданий, хотя и с немалыми ограничениями. Лишь в постсоветский период можно говорить о фактической реализации принципа свободы совести, формально декларированной ещё советскими конституциями.

А.И. Богомолов

Память о гражданской войне у красных и белых мемуаристов 1920-х-1950-х гг.: формирование и трансформации нарратива

В 2021 г. в рамках общей темы государственного задания «Россия в XX веке: регионы и центр в годы революций, войн и реформ» исследовательская работа проводилась по нескольким направлениям.

1. Совместно с сотрудниками архива Европейского университета в Санкт-Петербурге проводилось историографическое и источниковедческое изучение научного наследия в.н.с. отдела современной истории России, д.и.н., профессора С.В. Ярова (1959-2015). В ходе подготовки к изданию сборника статей по материалам научной конференции памяти С.В. Ярова, организованной сотрудниками отдела совместно с факультетом истории ЕУ СПб и кафедрой истории РГПУ им. А.И. Герцена в октябре 2020 г. (я был одним из членов редколлегии сборника), в личном фонде С.В. Ярова в архиве Европейского университета в Санкт-Петербурге были выбраны и подготовлены к публикации некоторые материалы из научного и учебно-методического наследия С.В. Ярова (в частности, неопубликованная работа, посвященная изучению антисемитских настроений в различных социальных средах в эпоху политического кризиса в Советской России в начале 1920-х гг., а также программа спецкурса для студентов магистратуры «Ленинградская блокада: дискуссионные проблемы»). Была осуществлена работа по разбору и систематизации рукописных материалов (россыпей) личного фонда С.В. Ярова, составлена предварительная опись этой части фонда. Были подготовлены доклады и статьи, посвященные источниковедческому и историографическому изучению научных трудов С.В. Ярова.

2. Продолжалась работа по предварительному описанию документов и материалов личного фонда в.н.с. отдела современной истории России, д.и.н. А.П. Купайгородской (1930-2015) для передачи в Научно-исторический архив СПбИИ РАН. К настоящему времени составлена предварительная опись личного фонда, подготовлено к публикации несколько статей по материалам фонда. Наиболее перспективным на настоящее время представляется исследование рукописи участника первой мировой войны, революции 1917 г. и гражданской войны С.А. Смирнова (1896-1970), отложившейся в материалах фонда. Сопоставление рукописи с опубликованным в 1976 г. текстом позволяет проверить на конкретных примерах ряд предположений о формировании в 1960-е-1970-е гг. «официальной» исторической памяти о революции 1917 г. и гражданской войне и соотношении ее основных элементов с памятью участников событий.

3. Отчасти развитием данной темы можно назвать совместную работу с коллегами из Москвы, посвященную изучению содержания и структуры нарратива о революции и гражданской войне, формировавшегося в 1920-е-1930-е гг. в среде русских военных эмигрантов, обрисованы условия его формирования и место, которое он занимает в самоидентификации представителей данного сообщества. В ходе исследования предполагается сосредоточиться не только и не столько на событиях, сколько на памяти о событиях. В качестве предварительных выводов можно отметить, что неформальные сообщества участников гражданской войны воспринимали пережитый опыт как травматический и культивировали собственный нарратив об этой коллективной травме. Содержание и структура этого нарратива определялись в значительной степени его социальной функцией в рамках вспоминающего сообщества. Подавляющая часть первого поколения эмигрантов (военные и члены их семей) воспринимала свое нахождение за рубежом как временное и надеялась на реванш в гражданской войне и на скорое возвращение. К концу 1920-х – началу 1930-х гг., когда становится понятным, что режим победителей удержался у власти надолго, диаспора переживает первый раскол, и ряд ее представителей возвращается на родину. Для тех, кто принял решение не возвращаться, память о травматическом опыте страданий, причиненных революционными событиями и поражением в гражданской войне, стала (и до сих пор остается) цементирующим конструктом, объединяющим сообщество и придающим смысл его нахождению за пределами родины.

В свою очередь, можно выдвинуть предположение о взаимосвязи полученного участниками гражданской войны травматического опыта (и восприятия его как травмы) с последующей самоидентификацией и конфликтным способом социального взаимодействия, при котором насилие и/или физическое устранение оппонента считалось простейшим и наиболее результативным способом достижения желаемой цели.

А. И. Рупасов

Начало деятельности Северо-Западного областного экономического совещания (1921-1924 гг.)

К концу гражданской войны необходимость в «согласованной, живой, инициативной, свободной от чиновничьей узости, но точной работы всех хозяйственных учреждений Республики» стала одной из самых актуальных проблем, одним из решений которой в Совете труда и обороны, в СНК и ВСНХ виделось через создание т.н. экономических совещаний. Создание этих совещаний, деятельность которых в историографии остается крайне слабо исследованной, было обусловлено рядом факторов: 1) деградацией за годы гражданской войны экономической жизни государства, управления экономики и системы коммуникаций; 2) создаваемой этой деградацией экономики замыканием (своеобразной авторкичностью) отдельных территорий и 3) осознанием центром необходимости делегирования властных полномочий наиболее значимым региональным центрам. Последнее с неизбежностью создавало предпосылки для роста политических притязаний лидеров упомянутых региональных центров, что уже в начальный период деятельности

областных экономических совещаний побудило центральную власть изыскивать способы нивелирования попыток региональных элит конвертировать предоставленную свободу действий в политическое влияние в сфере управления государством и во влияние в центральных органах правящей партии.

Создание Северо-западного экономического совещания 17 марта 1921 г. (т.е. накануне окончательного подавления т.н. Кронштадтского мятежа) было воспринято партийным и советским руководством Петрограда с удовлетворением, поскольку для решения сугубо петроградских проблем в их распоряжении оказывались ресурсы пяти губерний (Новгородской, Псковской, Череповецкой, Олонецкой, Петроградской), Александровского уезда Архангельской губернии и, с некоторыми оговорками, Карельской трудовой коммуны. Об исключительной спешке с созданием СЗЭКОСО свидетельствует тот факт, что эта структура неофициально была создана за две недели до того, как в центре было принято Временное положение об областных хозяйственных органах. Решение петроградских проблем за счет той периферии, которая досталась Петрограду, с неизбежностью порождало комплекс противоречий между входившими в Северо-Западную Область губерниями, отчасти «гасившихся» наличием у руководства Петрограда лоббистских возможностей в центре. Попытка центрального правительства воссоздать экономическое единство государства через осуществление реформы районирования небезуспешно срывалась в течение нескольких лет наиболее сильными в противостоянии с центром партийно-государственными элитами московской и петроградской губерний, оценивавших эту реформу как предпосылку к утрате политического влияния. Единственным действенным способом изменения ситуации в пользу центрального правительства оказывалась политика в кредитно-финансовой сфере и постепенное сужение полномочий губернских и областных ЭКОСО, все более сводившимся к совещательным функциям.

Д.А. Баринов

«Троцкистская контрабанда» 1931 г. в вузах Ленинграда

Термин «троцкистская контрабанда» вошел в широкий обиход после публикации осенью 1931 г. письма И.В.Сталина, адресованного редакции журнала «Пролетарская революция». Поводом для публикации послужила статья московского историка А.Г. Слущкого «Большевики о германской социал-демократии в период её предвоенного кризиса», в которой автор говорил о недостаточно жесткой позиции В.И.Ленина по отношению к немецким социал-демократам в годы Первой мировой войны. Генсек аттестовал работу А.Г.Слущкого как клеветническую и фальсификаторскую. Столь же критически И.В.Сталин отозвался о трудах ленинградского историка партии В.О.Волосевича, автора многократно переизданной «Самой краткой истории ВКП(б)». Усмотрев в названных сочинениях скрытую защиту взглядов Троцкого, Сталин в завершении своей статьи призвал бороться с «троцкистской контрабандой» в общественных науках.

В историографии это письмо справедливо рассматривается как важный этап в формировании сталинистского представления об истории партии и Октябрьской революции. Однако оно имело и важные политические последствия. По мотивам письма в ноябре 1931 г. – январе 1932 г. в партийных ячейках началась разъяснительная кампания, на характер которой исследователи долгое время не обращали своего внимания. На деле разбор письма в «Пролетарскую революцию» в партийных коллективах вузов и научных институтов обернулся травлей членов партии, причастных к бывшей троцкистско-зиновьевской оппозиции. Так, например, в ЛИФЛИ (выделенном из ЛГУ) разбор письма шел три дня подряд, на протяжении которых собравшиеся с опорой на сталинский текст упражнялись в словесных экзекуциях по отношению к бывшим оппозиционерам: Г.Е.Горбачеву, К.В.Нотману и М.М.Цвибаку. Схожий характер проработка носила и в других вузах, а также в ГАИМКе, Институте истории ВКП(б), ЛОКА, Публичной

библиотеке, учреждениях АН СССР и т.д. При этом все жертвы проработки уже давно отошли от оппозиционной деятельности и в научной работе занимались сюжетами, далекими от истории партии.

Отрывочные свидетельства позволяют судить об оценке письма немногочисленными реальными оппозиционерами того времени, прежде всего членами группы «капитулянтов» И.Н.Смирнова (1931-1932 гг.). Материалы о группе, собранные ОГПУ и отраженные в фондах РГАСПИ, демонстрируют, что «капитулянты» видели в сталинском письме именно политический смысл, и полагали, что своим содержанием оно бьет не по фальсификаторам истории партии, а именно по оппозиционерам.

Агитационная кампания, последовавшая за публикацией письма Сталина, оказала заметное влияние на историческую науку. Если до 1931 г. правила игры (а именно список запретных тем) были понятны и очевидны всем ученым, то критерии выявления «троцкистской контрабанды» явно лежали в области субъективного сталинского восприятия и потому не могли быть четко сформулированы. Все это сформировало крайне запутанную историографическую ситуацию, поскольку теперь запрещались не только положительные оценки и упоминания отдельных лиц, но и намеки на них. Понять, в чем могут заключаться эти намеки, то есть собственно сама «контрабанда», было подчас невозможно. Однако власти требовали разоблачений, поэтому в качестве жертв были выбраны прежде всего бывшие троцкисты и зиновьевцы – как самые очевидные претенденты на мнимое протаскивание враждебных партии идей.

Е.Д. Твердюкова

Торговля в Западной Украине и Западной Белоруссии в 1939–1940 гг. (по документам российских архивов)

Преобразования в торговле включенных в состав СССР территорий восточной Польши проводились по схожему сценарию. Неотъемлемыми составляющими экономической политики являлись национализация частных предприятий, огосударствление экономики, плановость хозяйствования, введение советской валюты.

В процессе организации торговли в Западной Украине и Западной Белоруссии можно выделить два периода. В течение первого (сентябрь 1939 г.– январь 1940 г.) регулирование товарооборота осуществлялось стихийно, по усмотрению местных властей, аппараты которых комплектовались преимущественно из «восточников». В своей деятельности они исходили из общих политических установок на социалистические преобразования в «освобожденных от гнета капиталистов» регионах. Развал традиционных схем снабжения на фоне перегибов в борьбе с частником привел к спекулятивному ажиотажу на рынке, росту цен, «вымыванию» продуктов и изделий промышленного производства из легальной сферы, перемещению торговли на «толкучки» и натурализации товарного оборота.

Вопрос нормализации обстановки в деле снабжения населения присоединенных регионов приобретал политическое значение. Поэтому центральными и региональными властями, начиная с февраля 1940 г., был принят ряд мер, направленных на организацию торговли по советскому образцу (с наличием государственного и кооперативного секторов), но с допущением отдельных частнопредпринимательских элементов.

Это дает основание сравнивать ситуацию на присоединенных территориях с той, что была характерна для Советского государства 1920-х годов в ходе реализации новой экономической политики. Стремление сделать столицы Западной Украины и Западной Белоруссии «витринами» социализма благоприятно сказывалось на удовлетворении первоочередных нужд населения этих городов, но полностью преодолеть кризис снабжения не удалось. Дефицит, очереди, различные формы нормирования, рост экономической преступности были присущи торговле западных регионов, как и всей социалистической системе хозяйствования периода модернизации.

Преступления оккупантов в психиатрических клиниках и домах инвалидов на Северо-Западе РСФСР

Обнаружение массовых захоронений в рамках поисковых работ вызвало интерес региональных властей к теме нераскрытых преступлений нацизма. В целом, на оккупированной территории СССР нацисты уничтожили от 12000 до 20000 людей с особенностью психического здоровья. На территории Ленинградской области РСФСР, по нашим подсчетам из советских источников, число убитых пациентов и людей с инвалидностью составляет более 4300 человек. На основе доступных нам источников мы попытались составить список 12 мест казней пациентов психиатрических клиник и домов инвалидов. Это первая (и оттого явно неполная) попытка систематизировать информацию о местах казней на Северо-Западе РСФСР.

Места казней пациентов во Псковской области

1. Психиатрическая больница в поселке Черняковицы Псковского района Ленинградской области (ныне - деревня Черняковицы Торошинской волости Псковского района Псковской области). Убито голодом и ядами к концу мая 1942 г. более 500 пациентов от 7 до 60 лет.

2. Дом инвалидов «Свобода» в деревне Могутово Новосельского района Ленинградской области (ныне - деревня Стругокрасненского района Псковской области). До войны в нем находилось более 500 людей с инвалидностью, часть была эвакуирована. 140 людей с инвалидностью расстреляны жандармерией 22 июля 1941 года у озера Кебское. Не позднее 25 сентября 1941 г. зондеркоманда расстреляла еще 95 человек (от 70 до 87 этих жертв были с инвалидностью).

Места казней пациентов в Новгородской области.

1. Колмовская психиатрическая больница № 1 Новгородского округа Ленинградской области (ныне на этом месте Новгородская областная клиническая больница). Погибло более 800 пациентов: 250 больных отравлены инъекцией препаратов «Геоссин» и «Скополамин», остальные умерли от голода. Возможно, это число включает перемещенных больных из Хутынской психиатрической лечебницы. Казни совершал специально присланный из Познани (Позен) отряд СС. Главный врач больницы Л. Любимов приговорен к 15 годам заключения.

2. Дом инвалидов имени Якова Свердлова в Юрьевом монастыре (ныне - Юрьев монастырь в Великом Новгороде). Возможно, оккупанты переместили его в Колмовскую больницу. Число жертв неизвестно.

3. Дом инвалидов «Борки» в поселке Пола (ныне - Парфинский район Новгородской области). Более 250 жертв: с 1 сентября 1941 г. по 1 января 1942 г. оккупанты заморили голодом и расстреляли 200 людей с инвалидностью, 18 января 1942 года 50 людей с инвалидностью сожжены заживо в зданиях.

Места казней пациентов в Ленинградской области.

1. Психиатрическая больница им. П.П. Кащенко (до 1920 - Сиворицкая психиатрическая больница), поселок Сиворицы Красногвардейского района. Ныне - Ленинградская область, Гатчинский район, село Никольское. В сентябре -середине ноября 1941 года от голода погибли 250-300 пациентов, 20 ноября 1941 состоялась казнь 900 пациентов (яд, инъекции воздухом в вену, расстрелы).

1.1. Отделение больницы им. П.П. Кащенко у деревни Верепье (Борницкая лесная дача). Ныне - Елизаветинское сельское поселение Гатчинского муниципального района Ленинградской области. Казнь 70 пациентов в ноябре 1941 года.

1.2. Отделение больницы им. П.П. Кащенко у деревни Корписалово — ныне деревня в Гатчинском районе Ленинградской области. Число жертв неизвестно.

2. Петергофская (Петродворцовая) больница в поселке Володарский. Ныне - рабочий поселок Володарский Красносельского района Ленинградской области, больница

ныне - СПб ГБУЗ "Николаевская больница"). Отравлены 80 пациентов, среди них: 20 людей с инвалидностью, 10 детей, 50 больных туберкулезом.

3. Дом инвалидов на острове Октябре (Успенский) у деревни Прусинская Горка. Ныне - Бережковское сельское поселение Волховского района Ленинградской области. Всего на острове было 950 людей с инвалидностью. Из них: 400 (435) человек погибли от голода, 20 (21) декабря 1941 года еще 400 - были сожжены в домах при отступлении оккупантов, 150 жертв сумели выжить.

4. Макарьевская пустынь, дом инвалидов (ныне - монастырь Гатчинской епархии РПЦ в Тосненском районе Ленинградской области). В декабре 1941 года убиты более 230 женщин с особенностями психического здоровья.

5. Дом инвалидов на ул. Рубинштейна в Старом Петергофе.

Б.Н. Ковалев

Повседневная жизнь карателей из Жестяной Горки в показаниях их жертв и немецких трофейных документах

В годы Великой Отечественной войны гитлеровцами, их союзниками, а также пособниками-коллаборационистами были уничтожены сотни тысяч наших сограждан. Среди них – мирные жители городов и деревень Северо-Запада России. В деревне Жестяная Горка в 1941 – 1943 годах добровольцами из Латвии было убито более 3500 человек: мужчин и женщин, детей и стариков, православных священников и коммунистов, евреев и цыган, пленных и партизан. Это можно объяснить тем, что к своим потенциальным противникам нацисты относили коммунистов, комсомольцев, представителей антигитлеровского Сопротивления, всех граждан, проявлявших недовольство «новым порядком». Для этого материала использованы документы, недавно рассекреченные в Новгородском Управлении ФСБ РФ.

Когда советские войска в первые недели войны оставляли территорию Прибалтики, они столкнулись с тем, что заметно активизировалось националистическое подполье, участники которого нападали на отдельных бойцов и даже целые части. Они стреляли им в спины, нарушали транспортные коммуникации. Тогда же, в июне 1941 г., началось массовое истребление евреев, коммунистов и просто сочувствовавших советской власти. По своей сути, члены «Команды Арайса» убивали, насиловали и грабили своих собственных соседей, людей, тех, кого они хорошо знали. Их жестокость иногда вызывала неприязнь даже со стороны немецкого командования, которое считало, что все карательные акции должны происходить строго по приказу.

Уже осенью 1941 года началась активная вербовка лиц, готовых оказывать вооруженное содействие гитлеровцам не только у себя на родине, но и в любом месте, куда их пошлют. В том числе на территории России и Белоруссии. По мнению отечественных историков, здесь во всей полноте «Имело место “использование” нацистами прибалтийских националистов в целях более эффективного осуществления гитлеровской экспансионистской и оккупационной политики на Востоке».

Можно признать, что это означает, в том числе, наличие в полном объеме государственной ответственности Эстонии, Латвии, Литвы за преступления своих граждан – добровольцев.

Каратели советских граждан после ареста привозили группами и в одиночку в деревню Жестяная Горка. Здесь некоторым из арестованных производился короткий допрос с пытками. Часть людей без допроса сразу же расстреливали.

Жестяная Горка еще в условиях оккупации привлекла внимание советского Сопротивления как концентрацией здесь служб штаба и охранных подразделений, так и информацией о массовых казнях.

Преступления карателей Жестяной Горки хорошо известны. К сожалению, ни ученые, ни журналисты до последнего времени не имели допуск ко всему комплексу документов. Лишь в августе 2020 года литературное дело № 126 «Материалы проверки факта

массового убийства карателями СД советских граждан в деревне Жестяная Горка», находящееся на хранении в Новгородском Управлении ФСБ РФ, было полностью рассекречено.

Один из важных вопросов, который интересует и историка, и юриста, и психолога: а что из себя представляет личность преступника-карателя? Кто он такой? Как он жил до совершения злодеяний, а самое главное: как он смог жить потом? Какие чувства и эмоции испытывал при убийстве людей?

На эти вопросы можно получить ответы при анализе рассекреченных документов.

А.Н. Чистиков

Дневник и воспоминания управляющего Ленинградской областной конторой Главнефтеснаба А.И. Шпака как источник по истории блокады

Александр Илларионович Шпак возглавлял Ленинградскую областную контору (далее – ЛОК) Главнефтеснаба с 1939 по 1952 г. В фонде 4000 ЦГАИПД СПб отложились дневник А.И. Шпака, стенограмма его сообщения 1944 г. и послевоенные воспоминания о блокаде.

В рукописном дневнике Шпака записи датируются январём – июнем 1942 г. и содержат сведения как личного характера, так и связанные с деятельностью автора в ЛОК. Некоторые признаки позволяют предположить, что это не оригинал, а переписанная позднее автором копия дневника.

Машинописный правленный экземпляр стенографической записи рассказа А.И. Шпака относится к сентябрю 1944 г. и содержит развёрнутый ответ автора на заранее полученные от сотрудников Ленинградского института истории ВКП(б) вопросы о работе респондента и его учреждения в годы войны. Стенограмма подписана Шпаком и сотрудником данного института. При рассказе Шпак использовал делопроизводственные документы ЛОК, что позволило ему частично избежать субъективных оценок и шире представить деятельность ЛОК.

Часть стенограммы, согласованная с автором, была опубликована в сборнике «Оборона Ленинграда. 1941-1944» (Л., 1968). Сравнение текстов показывает исключение из публикации подробностей некоторых событий, упоминания ряда персонажей, а также значительного количества статистических данных. Вероятно, это было связано не только с необходимым сокращением объёма текста, но и с другими причинами.

Воспоминания 1975 г., машинописный экземпляр которых подписан автором, во многом повторяют сюжеты стенограммы, однако часть событий изложена более подробно, добавлена информация, отсутствующая в дневнике и рассказе 1944 г. На основе этих воспоминаний был подготовлен новый текст, опубликованный в 1988 г. в журнале «Нева».

Указанные неопубликованные источники ценны не только наличием новых сведений по истории Ленинграда блокадного и военного периода. Они позволяют, например, более подробно исследовать разные стороны механизма управления городом в эти годы, выявить наличие и определить роль неформальных связей в управленческой структуре Ленинграда.

Ф.К. Ярмолич

Советский человек в идеологическом пространстве города в 1950–1960-е гг.

В Советском Союзе идеология стремилась проникнуть во все сферы жизни человека, сформировать не только его политические предпочтения, но и морально-нравственные принципы и эстетические взгляды. Решение этой задачи возлагалось на широкий круг учреждений и организаций, располагающих соответствующим набором форм и методов воздействия на представителя социума, которые, в условиях меняющегося советского

общества 1950–1960-х гг., изменялись. Это обуславливалось стремлением добиться максимального влияния на формирование картины мира человека.

На рубеже 1950–1960-х гг. советский человек проявляет интерес к «диалоговым» и игровым формам отдыха, культурно-политическим мероприятиям, которые предоставляют посетителю выступать активным участником. Отвечая на эти запросы, власти развивают соответствующие виды досуга: вечера вопросов и ответов, диспуты, самодеятельность и т.д. Во второй половине 1960-х гг., наряду с быстро меняющимися запросами человека в целом, более явной становится тенденция «индивидуализации» досуга, желание выбирать формы отдыха, рассчитанные на малые группы. В новых условиях второй половины шестидесятых годов органы управления демонстрируют свою неспособность своевременно и адекватно реагировать на запросы человека, даже изменяя структуру идеологических учреждений и содержание их работы.

Стремление горожанина проводить свое свободное время во второй половине 1960-х гг. по-иному, чем в 1950-е и первой половине 1960-х гг., объясняется изменением культурно-образовательного уровня и качества жизни в СССР.

К.А. Болдовский

Система власти периода «брежневской стабильности»: кадры и идеология

В 2021 г. в рамках общей темы государственного задания «Россия в XX веке: регионы и центр в годы революций, войн и реформ» исследовательская работа проводилась по нескольким направлениям, связанным с изучением механизма функционирования власти и кадровой политики в СССР в 1940-х – 1970-х гг.

1. В рамках совместной работы с группой коллег из Москвы, Екатеринбурга, Челябинска и Новосибирска проводилось изучение номенклатурной системы организации власти и кадровых назначений в период с середины 1930-х гг. до середины 1980-х гг. Изучались количественные и качественные характеристики номенклатуры ЦК ВКП(б)/КПСС, а также ЦК компартий союзных республик и отдельных обкомов/крайкомов. Особое внимание было уделено трансформации номенклатурной системы управления в период 1964-1970 гг. (т.н. «ранний брежневский период»). На основе ранее не вводившихся в научный оборот источников, таких, например, как рабочие записи Секретариата ЦК КПСС, изучалось изменение подходов к кадровым назначениям и процедурам согласования. В качестве предварительных выводов можно упомянуть то, что в исследуемый период наблюдался процесс перераспределения властных полномочий между центром, регионами и отдельными государственными структурами (ведомствами), причем значительная часть реальных решений по кадровым вопросам перешла в компетенцию обкомов, ЦК компартий союзных республик и руководства ведущих государственных ведомств. Это дает основания считать, что процесс формирования т.н. «брежневской стабильности» проходил, в том числе, по линии повышения значения руководителей среднего звена партийно-государственного аппарата.

Отдельным направлением работы было изучение механизма принятия и реализации важнейших идеологически мотивированных внешнеполитических решений в таких областях, как «противостояние идеологии маоизма» и определению позиции по отношению к событиям т.н. «молодежной революции» в странах Запада в 1968-1970 гг.

2. Проводились исследования структуры и характеристик руководящих кадров в прибалтийских республиках (Латвийская ССР, Литовская ССР, Эстонская ССР) в период 1946-1953 гг. На основе источников, ранее не вводившихся в научный оборот: данных закрытого учета руководящих кадров от 1 ноября 1947 г. и различной делопроизводственной документации, были изучены количественные и качественные характеристики руководящих кадров прибалтийских республик. Было показано, что значительная часть руководящих кадров и работников с высшим образованием (в отдельных отраслях – до 80%) состояла не просто из представителей коренных

национальностей, но и людей, находившихся в годы войны на оккупированных территориях. Таким образом, вызывают сомнения гипотезы о том, что в первые послевоенные годы проходила массовая кампания по замене местных работников на прибывших из других регионов. В условиях характерного для первых послевоенных лет в СССР дефицита подготовленных кадров для осуществления такой массовой замены не было кадровых ресурсов.

Отдельным вопросом в рамках данного направления было исследование т.н. «реформ Берии» по отношению к национальным кадрам. На основе выявленных и подготовленных для публикации докладных записок МВД в адрес Президиума ЦК КПСС за период мая-начала июня 1953 г. можно сделать обоснованное предположение о том, что проекты реформ в кадровых назначениях (более широкое привлечение местных кадров коренных национальностей на должности в руководящих структурах регионов) предполагали подобные нововведения только в тех регионах, где борьбы с вооруженным националистическим подпольем представляла серьезную проблему и были предназначены для решения конкретных текущих задач. Таким образом, вряд ли правильно считать эти предложения частью некоего «плана преобразований», предложенного Л.П. Берией после смерти Сталина.

3. Продолжалось изучение механизмов функционирования органов власти и управления Ленинграда блокадного периода. Были выявлены источники второй половины 1943 г., ранее не вводившиеся в научный оборот. Их изучение позволило сделать выводы об определенных изменениях в политике власти в этот период, например, об изменениях в карательно-репрессивной политике, о чем свидетельствуют выступления А.А. Кузнецова, в которых он настаивал на необходимости снижения количества репрессий и смягчении наказаний по общеуголовным, так и по политическим делам. Не менее интересна и история вопроса о переименовании ряда топонимических объектов Ленинграда (например, Невского проспекта и Дворцовой площади). Ранее считалось, что этот вопрос был проработан и решен по инициативе ленинградских руководителей в начале января 1944 г. Однако, как показывают выявленные источники, решение о переименованиях было подготовлено еще в середине октября 1943 г., принято (возможно, и предложено) на основе предварительного одобрения И.В. Сталина.

Научно-исторический архив и группа источниковедения

Д.М. Омельченко

Проповедник и паства: казус епископа Цезария Арелатского

Цезарий, епископ южногалльского города Арелата (503-542), был одной из значимых фигур церковно-политической истории на рубеже Античности и Средневековья. За сорок лет своего епископства он проявил себя, прежде всего, как выдающийся организатор. Однако не менее значимой стороной его деятельности было тесное взаимодействие с мирянами. На основе нарративных источников можно составить довольно целостное представление о Цезарии как пастыре. «Житие Цезария», составленное его ближайшими учениками, содержит немало рассказов о частых поездках епископа по диоцезу, о его благотворительности и чудесах, о манере наставления и беседах с мирянами. Сам епископ в обширном послании к духовенству Южной Галлии детально изложил своё представление об идеальном пастыре. О многом говорит и тот факт, что от Цезария сохранилось две с половиной сотни проповедей – гораздо больше, чем от любого из его современников на Западе.

Уникальность фигуры Цезария Арелатского как объекта исторического исследования не только в многочисленности и характере нарративных источников, но и в наличии некоторого числа связанных с его именем археологических объектов. Они были открыты сравнительно недавно – в ходе раскопок в исторической части Арля. Среди

выявленных на сегодняшний день фундаментов зданий особый интерес представляет собор с необычным строением амвона. Чем примечательно это открытие и что нового может дать в представлении о Цезарии как пастыре? Каковы перспективы соотнесения данных нарративных и археологических источников в исследованиях о епископе. Ответить на эти вопросы и призван мой доклад.

А.А. Вовин

Миланские акты купли-продажи *ad progium* как исторический источник

- Три акта начала XIII в., в которых встречается клаузула *ad progium*: 1213 г., 1225 г., 1235 г.
- Период наивысшего расцвета коммун Милана, но одновременно и время начала упадка (приход к власти синьории делла Торре).
- Период значительных изменений в структуре миланского нотариата: появление нотариев, получавших жалование от коммун и действовавших от ее имени.
- Два типа формуляра А и В различаются прежде всего акцентами, темой и ремой.
- Тип А: Акцент на самом факте совершения сделки (передача денег и цена упоминаются в самом конце)
- Тип В: Акцент на признании продавцом получения денег от покупателя в полном объеме, отсутствия у первого претензий к последнему
- Можно ли сказать, что Тип А эволюционировал в Тип В? Нет! Оба типа встречаются среди актов XII века.
- Уже не раз отмечалось в историографии: распространение свободной купли-продажи земли – свидетельство эмансипации коммун
- Коммуна еще не имеет субъектности (во всяком случае маленькая), в актах купли-продажи от ее лица выступают уполномоченные магистраты (см. №№ 5, 7)
- Постепенное угасание *‘qui professus est vivere secundum legem Langobardorum\Romanam’*. Причем его заменяют отсылки к принадлежности к *civitas* или *communa*. Самый яркий пример: (ASMi, AD, perg., cart. 313, n. 211 [A]): *‘Guido filius quondam Petri Canis, qui professus est lege vivere Longobardorum, et Guilielmus et Petrus, filii eius emancipati, civitatis Mediolani’*

Н.Б. Срединская

Особенности формуляра договора поручения (*mandatum*) в актах Феррары XIV в. По материалам архивов Петербурга и Модены

Постоянная плановая тема моих работ – исследование и введение в научный оборот материалов Западноевропейской секции НИА СПбИ РАН. В 2021 г. было продолжено углубленное изучение документов Венеции, Кремоны, Падуи и Феррары. На отчетной научной сессии за 2021 г. будут представлены результаты исследования формуляра феррарских договоров поручения (*mandatum*) XIV в. по подлинным и неопубликованным материалам ЗЕС архива.

В отличие от комплекса актов Феррары из собрания Н.П. Лихачева, договоры поручения XIV в. не так часто встречаются среди документов этого времени, происходящих из других центров Северной Италии. Феррарские договоры поручения, однако, не рассматривались в монографии «Феррара XIV века в отражении актов родового архива Сакрати» и в других моих работах. Трудов других авторов, специально посвященных средневековым договорам поручения, также не удалось обнаружить; это и определяет новизну представляемой темы.

По договорам поручения в Ферраре XIV в. поверенные принимали на себя самый широкий круг обязанностей: обязательства ведения процессуальных дел, совершение сделок и другие действия юридического и фактического характера в пользу доверителя. В работе исследованы не только документы, которые устанавливали такие правоотношения,

но и акты, упоминавшие и ссылавшиеся на договоры поручения. Это позволяет проследить как развитие деловой письменности, так и механизмы складывания торгово-банковских компаний в Ферраре в эту эпоху.

И.Д. Травин

«Повсюду, где течёт вода»: поручения дождей Венецианской республики к чиновникам и администраторам (XIV-XV вв.)

Среди многочисленных рукописей, хранящихся в собраниях Санкт-Петербурга, отдельного внимания заслуживают *commissioni ducali* – указания, которые выдавались венецианскими Большим советом и дожами тем, кто готовился занять какую-либо административную должность в Республике. Эти поручения представляют собой детальные инструкции, а также подробные объяснения прав и обязанностей, написанные для различных чиновников венецианской талассократии. В Петербурге хранится как минимум три дожеских поручения XIV-XV вв.:

1. ОР РНБ, ОЛДП, F.440 – Поручение Большого совета Венецианской республики (правление дожа Микеле Стено) к прокураторам святого Марка, 1401 г.;

2. НИА СПБ И РАН, ЗЕС, колл. 6, карт. 187, ед. хр. 10 – Поручение дожа Джованни Мочениго к Доменико Контарини, подеста Кастельфранко Венето, 1478-1485 гг.;

3. ОР РНБ, Lat.Q.v.II №12 – Поручение дожа Агостино Барбариго к Анджело Градениго, капитану галер в Бейрут, 1492 г.;

Эти три поручения хорошо иллюстрируют основные сферы жизни и особенности государственного управления Венеции, а именно администрирование внутри самого города, администрирование территориями, полученными Республикой во время экспансии на Терраферму, и администрирование торговых конвоев галер, направлявшихся за море, в частности в Левант.

В первом случае в качестве адресатов поручений выступают прокураторы святого Марка. Данная должность являлась одной из самых престижных в Республике, и на неё могли претендовать лишь самые достойные граждане; отсюда было недалеко и до поста дожа, и, как и пост дожа, должность прокуратора являлась пожизненной. Во втором случае поручение направлено одному из ректоров республики – подеста небольшого города-крепости Кастельфранко Венето. Экспансия Венеции вглубь Террафермы влекла за собой необходимость увеличить количество управленческих должностей. Каждая новая территория обещала не только новые ресурсы и влияние, но и новые проблемы. Республиканские чиновники, отправлявшиеся управлять владениями Венеции на суше, должны были осознавать круг своих полномочий и прав. В третьем случае поручение получил капитан конвоя торговых галер, отплывавших в Святую землю, в Бейрут. Торговля всегда была фундаментом Светлейшей, и потому любое отклонение в привычном биении венецианской коммерции означало потенциальную возможность или потенциальный риск. Учитывая огромные расстояния между Венецией и её заморскими торговыми факториями, капитаны венецианских галер и легаты Республики должны были уметь решать многие вопросы самостоятельно и в случае кризиса уметь принять важное решение, не ожидая многие месяцы инструкций от Большого совета и дожа.

Г. М. Воробьев

Реконструкция первоначальной структуры рукописного сборника «Моралий» Плутарха второй половины XV в.

Рукописная традиция «Моралий» Плутарха чрезвычайно запутана, поскольку это собрание нескольких десятков небольших трактатов, которые переписывались в разных сочетаниях и последовательностях. Для каждого трактата приходится строить отдельную стемму, при установлении которой, однако, нужно учитывать известные данные о взаимосвязи рукописей других трактатов.

Рукописи флорентийской Лауренцианской библиотеки Plut. 80.28, 80.29 и 56.24, содержащие собрание 38 трактатов из числа «Моралий», при беглом осмотре кажутся тремя томами, выполненными одним переписчиком по единому замыслу, со схожим оформлением и разметкой листа. Однако исследование кодикологических характеристик (устройство тетрадей, положение пустых листов и строк, водяные знаки, система разлиновки, цвет чернил, формулировка заголовков) позволяет по-новому оценить происхождение этого трехтомника.

В каждом из трех томов можно заметить швы, или цезуры, которые делят тома на кодикологические единицы, переписывавшиеся отдельно друг от друга.

Так, разлиновка во всех трех томах выполнена при помощи карамсы, или мастары (*tabula ad rigandum*), причем в некоторых тетрадах инструмент прикладывался к лицевой стороне каждого листа (>>>>|>>>>, система Иригуэн 1*), а в некоторых — к оборотной стороне листов в первой половине тетради и к лицевой стороне во второй (<<<<|>>>>, система Иригуэн 5*). При этом в тетрадах, разлинованных по системе Иригуэн 1*, площадь текста составляет 165/167x68/71 мм и текст писан в 24 строки, тогда как в тетрадах, разлинованных по системе Иригуэн 5*, площадь текста составляет 153/155x83/90 мм и текст писан в 25 строк. Это деление тетрадей трехтомника на два блока подкрепляется и другими кодикологическими данными: в первом блоке использованы светло- и темно-коричневые чернила, а во втором — черные; в первом блоке использована только бумага с двумя парами филиграней «Весы 1» и «Весы 2», а во втором знак «Весы» не встречается, а использована бумага с филигранями «Шляпа», «Орел» и «Три горы 1».

Первый блок по филиграням датируется примерно десятилетием 1465–1475 гг. и, видимо, восходит к падуанскому периоду жизни Халкокондила (1463–1475 гг.). Второй блок по совокупности кодикологических характеристик — филиграни, система разлиновки и площадь текста — можно отнести к группе рукописей, которые Халкокондил создавал в период с 1475 примерно до 1485 г. (с 1475 до 1491 г. он жил во Флоренции)⁵.

Кроме двух основных блоков, идентифицированных выше, в рукописи выделяются еще два небольших блока с отличными кодикологическими характеристиками. Три последние тетради кодекса Plut. 56.24 содержат трактат «*Consolatio ad Apollonium*» и по всем кодикологическим признакам должны были бы примыкать к первому блоку, однако эти тетради переписаны на другой бумаге, с филигранями «Весы 3» и «Башня». Хотя эти филиграни относятся явно к тому же падуанскому периоду жизни Халкокондила, к которому относится первый блок, отличие бумаги позволяет назвать эти три тетради отдельным, третьим блоком, хронологически примыкающим к первому.

Наконец, в кодексе Plut. 80.28 пять идущих подряд тетрадей, которые содержат два трактата, не могут быть отнесены по кодикологическим характеристикам ни к одному из указанных выше трех блоков и должны быть выделены в четвертый. По параметрам разлиновки этот блок примыкает к первому блоку, но цвет чернил здесь черный, как во втором. Здесь использована бумага с филигранью «Три горы 2», которая не встречается в других известных рукописях, созданных Халкокондилем. Предлагается выделить эти пять тетрадей в отдельный, четвертый блок.

Реконструированные первый и второй блоки сейчас представлены чересполосицей кодикологических единиц. Дело в том, что оба эти блока были разделены на несколько частей, которые были перекомпонованы с целью расположить трактаты в новом порядке. Некоторые трактаты, конец которых приходится на конец тетради, ныне завершаются несколькими пустыми строчками или пустыми листами, а некоторые содержат на таких свободных пустых строчках или листах начало текста следующего трактата, писаное другими чернилами. Такие случаи позволяют определить соотношение отдельных кодикологических единиц внутри блоков. Проанализировать внутреннее деление блоков на кодикологические единицы позволяет также распределение типов бумаги и формулировок имени автора в заголовках («Плутарха» или «Его же»). В результате в нынешнем трехтомнике можно выделить 14 кодикологических единиц, реконструировать их исконный порядок и принадлежность к четырем исконным блокам. Разделение нового сборника, получившегося при перекомпоновке, на три тома было осуществлено самим Халкокондилем, о чем свидетельствует почерк двух серий сигнатур и добавленное им в конце кодекса Laur. Plut. 56.24 содержание.

⁵ См. о такой датировке этой совокупности кодикологических характеристик нашу статью «О некоторых системах разлиновки в рукописях Димитрия Халкокондила», находящуюся в печати в сборнике, выпуск которого должен был быть приурочен к 80-летию Б. Л. Фонкича и готовится в серии «Монфокон».

Предложенная реконструкция первоначального порядка копирования трактатов «Моралий», датировка и локализация исконных четырех кодикологических единиц («блоков») имеет текстологическое значение: она должна помочь установлению положения рассматриваемого сборника в стеммах отдельных трактатов и облегчает поиск его возможных антиграфов. Возможно, полученные данные будут полезны и для текстологической работы с пометами Халкокондила в других рукописях Плутарха (таких известно по меньшей мере две: Plut. 80.30 из той же Лауренцианской библиотеки и парижский кодекс VnF, grec 1671).

Е.И. Носова

«Описание двора Карла, герцога Бургундского, по прозвищу Смелый» Оливье де Ла Марша : текст и контекст

В докладе будут представлены результаты работы по изучению и составлению комментариев к русскому переводу трактата Оливье де Ла Марша (1425-1502), первого гофмейстера бургундского двора «Описание двора Карла, герцога Бургундского, по прозвищу Смелый». Ценность этого текста для исследования европейских дворов исключительна. Во-первых, образ бургундского двора, который доминировал в историографии до 1990-х годов, основан на этом источнике. Во-вторых, отсутствие аналогичного описания для прочих дворов – французских королей и принцев крови – превратило трактат Ла Марша в источник *par excellence*. Его стали цитировать в работах, которые не имели отношения к бургундскому двору, пользуясь им за неимением эквивалента.

Несмотря на то, что перевод выполнялся по изданию трактата, опубликованному в XIX в. французскими исследователями Анри Боном и Жюлем д'Арбомоном, мы не преминули воспользоваться возможностью поработать с оригиналами рукописей трактата, хранящимися в различных европейских собраниях, и изучить контекст, в котором бытовало это сочинение. В дополнение к 16 ранее известным рукописям мы нашли еще три копии. Две из них сейчас находятся в Королевской библиотеке Бельгии (KBR, П 831. KBR, 21447). Третья рукопись находится в Вене (Österreichische Nationalbibliothek, 7196).

Изучение владельческих помет и состава кодексов позволило выделить две традиции использования этого трактата: французскую и «габсбургскую». Во французской традиции трактат Ла Марша окружен нарративными источниками (хрониками и тд). В «габсбургской» традиции текст Ла Марша соседствует с множеством прочих документов самого разного, преимущественно дипломатического характера. Подобное окружение служит индикатором отношения к произведению Ла Марша в Испании XVI в.: он воспринимался не как нарративный текст, как во Франции, а как документ, который копировали и рассматривали наравне с ордонансами, депешами и донесениями. Не случайно трактату Ла Марша предшествует один из военных ордонансов Карла Смелого, и текст Ла Марша воспринимается как органичное продолжение законодательного акта. Вслед за последними словами трактата, на той же странице помещен список пенсионеров «времен короля дона Фелипе».

О чем свидетельствует эта своеобразная «габсбургская» традиция? Ранее некоторые исследователи рассматривали ее как прямое доказательство рецепции бургундского придворного уклада во владениях Габсбургов. В последние годы эта точка зрения опровергается с тем же рвением, с каким раньше она доказывалась. На наш взгляд, приведенное описание свидетельствует о несомненном интересе, который и трактат и сам бургундский двор вызывали на Иберийском полуострове. Причем она подтверждает, что интерес Габсбургов к Бургундии не был ограничен формальным провозглашением преемственности, но они проявляли внимание к организации Бургундского государства.

Е.С. Дилигул

СКАЗАНИЕ О ТИХВИНСКОЙ ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI В.

На рубеже XV–XVI вв. в истории русской культуры наступил новый этап развития, ознаменовавшийся знакомством с западноевропейскими традициями. Этот процесс был особенно ярко выражен в памятниках древнерусского храмового зодчества и отразился в активной строительной деятельности итальянских мастеров, приглашенных в Россию московскими

правителями. Для историков искусства одной из важных проблем в изучении древнерусской архитектуры является процесс организации строительной деятельности. Несмотря на большое число сохранившихся памятников зодчества XV–XVI вв., свидетельства о процессе строительства носят фрагментарный характер. В связи с этим, введение в научный оборот новых источников по данной проблематике является актуальной задачей. В работе основной акцент был сделан на анализе текста одного из списков Сказания о Тихвинской иконе Богоматери, хранящегося в Научно-исследовательском отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук (НИОР БАН, собр. Археографической комиссии № 157), содержащем сведения о строительстве паперти Успенского собора в Тихвине, полученные методом текстологического сличения целого ряда списков Сказания. В ходе исследования был проанализирован один из сюжетов Сказания о Тихвинской иконе Богоматери и выявлены особенности организации строительного процесса в Тихвине в первой трети XVII в. В процессе исследования сюжета о строительстве соборной паперти были восстановлены этапы строительных работ, проводившихся в период с апреля по июнь 1537 г. В тексте Сказания присутствует одно из наиболее ранних упоминаний «государева чертежа», в соответствии с которым была возведена паперть.

Н. В. Башнин

Ссудная деятельность Вологодского архиерейского дома в XVII в.

В XV–XVII вв. монастыри и архиерейские дома выполняли функции банков, накапливали и перераспределяли денежные средства и хлеб, были кредиторами для широких слоев населения.

Практика кредитования населения в XV–XVII вв. рассматривалась в историографии. Так, П. Н. Милоков считал монастыри «банкирами древней Руси». Т. И. Осминский отмечал существование долга удельного князя Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю. Б. Д. Греков считал, что для некоторых представителей знати капиталы, взятые в долг, сыграли роковую роль. Н. К. Никольский, А. П. Пронштейн, А. А. Зимин, Л. И. Ивина, М. С. Черкасова на материалах Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского, Симонова и Троице-Сергиева монастырей показали, что под залог недвижимого имущества в XV–XVII вв. получали денежные ссуды сначала представители княжеских фамилий, а затем широкие слои землевладельцев и черносошных крестьян. Это явление привело к росту монастырского землевладения. М. С. Черкасова исследовала вопрос о крестьянских долгах Троице-Сергиеву монастырю в первой половине XVII в. З. В. Дмитриева проанализировала выдачу хлебного кредита крестьянам в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в. Практика кредитных отношений по монастырским материалам в XVI–XVII вв. рассмотрена А. В. Бугровым, З. В. Дмитриевой и М. М. Дадыкиной.

Для оформления кредитных отношений, которые были широко распространены в XV–XVII вв., использовали кабалы и заемные памяти. В. М. Панях показал важное социальное значение кабал как документа, формуляр которого использовался для оформления различных отношений между контрагентами в XVI — начале XVII в. По мнению ученого, «в хозяйственной деятельности Спасо-Прилуцкого монастыря заемные кабалы были не менее универсальным видом документов, чем служилые кабалы, и в практическом употреблении опять-таки так же, как служилые кабалы, далеко переходили за пределы своего прямого назначения». В. М. Панях считал, что «практика широкого использования служилых и заемных кабал заслуживает специального исследования». В историографии кабалы и отношения, которые оформляли эти документы, изучали на материалах монастырских архивов, однако сохранились источники, свидетельствующие о ссудно-кредитной деятельности архиерейских домов.

В данной работе внимание сосредоточено на кабалах, сведения о которых были зафиксированы в описи казны Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1676 г. Выбор для анализа записей о кабалах в описи 1676 г. обусловлен хронологической близостью этого документа к приходо-расходным книгам 1677/1678 г. Вологодского архиерейского дома. Анализ «бюджета» за это время показывает, что значительные суммы тратили на кредитно-финансовую деятельность, однако сведений о выдаче денег в долг по кабалам нет.

Описание имущества было проведено игуменом Ефремом «с товарищи» 10 ноября 1676 г. по указу архиепископа Вологодского и Белозерского Симона после отставки казначея старца Иосифа Васильева. В ведение нового казначея — старца Никона из Подольного монастыря и дьяка сына боярского Ивана Аленева были переданы различные ценности и документы, среди которых было более 260 кабал. При передаче долговые документы (некоторые из них названы заемными памятьми) были разделены переписчиками на 5 разделов, внутри которых кабалы располагались

по хронологическому принципу. В *первом* разделе была зафиксирована 41 заемная денежная кабала, которую выдал казначей старец Иосиф Васильев в 1670/1671–1676 гг. («Да налицо же отвел своей дачи в казенных денгах заемных денежных кабал»). Во *втором* разделе находим сведения о 19 заемных денежных кабалах 1663/1664–1669/1670 гг., которые были выданы казначеем старцем Исайей, занимавшим эту должность до старца Иосифа Васильева («Да он же, казначей Иосиф Василев, отвел налицо заемных же денежных кабал в казенных денгах бывшего казначея старца Исайи дачи»). *Третий* раздел посвящен описанию 13 кабал, которые перешли в ведение казначея старца Иосифа Васильева после их выдачи в Москве архиепископом Вологодским и Белозерским Симоном и дьяком Кириллом Борисовым в 1673/1674–1674/1675 и 1675/1676 гг. («Да налицо в домово́й казне отвел заемных кабал, что он принял по книгам архиепископли московской езды 182-го и 183-го годов московской дачи»; «Кабалы по книгам архиепископли московской же езды 184-го году дачи архиепископля диака Кирила Борисова»). В *четвертом* разделе названы 30 кабал, которые фиксировали аренду архиерейскими крестьянами рабочих лошадей в 1670/1671–1675/1676 гг. («Да он же отвел налицо в домово́й казне кабал же, по которым даваны при ево казначействе домовым крестьяном по оценке из сел казенные лошади в цену»). В последнем, *пятом*, разделе находим перечень 150 «старых» заемных кабал, датированных 1626/1627–1674/1675 гг. («Да им же отведено налицо заемных старых кабал дачи прежних казначеев»). Таким образом разделение кабал при описании было произведено по хронологическому, личностному и хозяйственному принципам.

Сопоставим объемы выдачи денежных кредитов Вологодским архиерейским домом и монастырями (исследований о кредитовании населения другими архиерейскими кафедрами в историографии нет). Прежде всего, отметим, что в 1676 г. в казне должны были быть документы на сумму больше, чем 1089 руб., к ней следует прибавить прощенные в 1668 г. 60 руб. и в 1667 г. 438 руб., таким образом, если бы не действия архиепископа Симона, всего выданными в долг значились бы более 1587 руб. В 1601 г. в архиве Кирилло-Белозерского монастыря было 154 кабалы с 1532 по 1600 г. на сумму около 700 руб. В 1668 г. — 1483 кабалы с 1603 по 1668 г. на сумму 5730 руб. 19 алт. 3 ден. Заметим, что вотчинным крестьянам монастырь выдал в XVII в. почти половину всех денег. Еще больший объем денежных средств был выдан в долг крестьянам Троице-Сергиевым монастырем в 1620-х — 1640/1641 гг. — 11 тыс. руб. Спасо-Прилуцкий монастырь за 1541–1700 гг. выдал займы более 860 руб. по 305 документам. Менее крупные вотчинники также постоянно выдавали денежные ссуды. Так, в описи Ферапонтовой обители 1673 г. зафиксировано 83 кабалы на сумму более 400 руб. Приведенные сведения показывают, что выдача денежных ссуд была типичным явлением как для обителей, так и для архиерейских кафедр, а кабала была одним из самых распространенных типов документа.

Подчеркнем социальную направленность ссудной деятельности, духовные вотчинники поддерживали крестьян, проживавших на их землях. Они получали не только денежные и хлебные займы (часто на льготных условиях), но и ссуды зерном для посева и на еду («на ежю»), а также соль. Таким образом совокупность этих сведений позволяет говорить о том, что Вологодский архиерейский дом Св. Софии, как и монастыри, выдавал в долг так называемые «длинные» деньги, не рассчитывая на быстрое возвращение займа. Однако эти кредиты не были невозвратными, очевидно, что каждый казначей работал над тем, чтобы долги возвращали. В целом кредитная деятельность Вологодского архиерейского дома (ориентированная на крестьян), была неэффективна для кафедры: проценты за долги и просрочку отсутствовали; оборот денежных средств был медленным, иногда растянутым на десятилетия; долги архиерей мог простить. В целом такая ситуация является характерной чертой для той эпохи, когда отсутствовало капиталистическое понимание прибыли и не стояла обязательная задача извлечь ее при выдаче кредитов населению. Очевидно, что деятельность архиепископа и служителей архиерейского дома не была ориентирована преимущественно на финансовую эффективность — архиерей и кафедра управляли церковно-приходской и монашеской жизнью в епархии, сочетая это с хозяйственной деятельностью.

М.В. Тихонова

Особенности таможенного управления на территории Якутского уезда во второй половине XVII века (по материалам Архива СПБИН РАН)

Краткая историческая справка: В административном отношении Якутский уезд был образован в 1638 году. Он охватывал бассейн р. Лены (от Витима) и всю территорию от Верхней Лены до Северного Ледовитого океана к северу, до Тихого океана и Камчатки к востоку и до

хребта Джугджур к юго-востоку. На Руси все «начальные люди» от московских дьяков до приказных самых отдаленный острожков и зимовий были обязаны вести различные учетные записи. Документы Якутской воеводской (с 1676 года – Приказной) избы, появившиеся в результате деятельности русской администрации, сохранились до наших дней в составе фонда № 1177 РГАДА численностью более 5 тысяч единиц хранения за период 1636 – 1718гг. Кроме того, в Архиве АН в составе «Портфелей Миллера» хранятся копии 709 якутских документов на 1746 листах. Особняком стоит фонд № 160 Якутской воеводской избы, хранящийся в Архиве нашего Института Истории РАН. В нем содержится 1128 единиц хранения, большинство из которых относятся к XVII веку.

Все упомянутые архивные материалы однородны по своему происхождению и по хронологии и весьма разнообразны по своему составу и содержанию. Мое основное внимание сосредоточено на таможенной документации как главном источнике по изучению торговли, позволяющем определить место Якутского уезда в частности и Сибири в целом в торговых связях в России середины - второй половины XVII века (сравнение системы учета, принятой в данном регионе с другими регионами страны).

В делопроизводственных документах Якутской таможенной избы отражено все многообразие занятий населения Якутии второй половины XVII века. Цель доклада – выделить таможенную документацию из массива всех документов 160 фонда Архива СПбИИ РАН, рассмотрев наиболее характерные из них, и проанализировать особенности таможенного управления на территории Якутского уезда во второй половине XVII века.

Калашикова А.А.

Счет в таможенных документах Якутской воеводской избы

При работе над описанием фонда Якутской воеводской избы (Ф. 160) были обнаружены выписи из промышленной и записной книг таможенного головы Ленского острога Дружины Трубникова (Д. 30). Ни промышленных, ни записных книг в «Обзрении столбцов и книг Сибирского приказа» Н.Н. Оглоблина нами обнаружено не было. По-видимому, промышленная книга была разновидностью таможенной книги, где записывались пошлины, взятые с промышленных людей пушনিной. Выпись из промышленной книги представляет собой документ в столбце на одном листе, содержащий перечень из 23 тетрадей, составленных в течение одного года (1640/41), с указанием числа и вида мягкой рухляди. В документе перечисляются виды соболей: с хвостом и без, «пластины» (т.е. хребтовая часть шкурки пушного зверя)⁶, «пупки» (брюшная часть шкурки животного с мягким и редким волосным покровом)⁷. Выпись из записной книги также представляет собой перечень из 10 тетрадей, составленных в течение одного года (1640/41), с указанием собранных податей деньгами и мукой.

Подсчеты соболей и денег в этих документах приведены в таблицах из двух строк и двух-трех столбцов. Расшифровка таблиц является целью доклада.

Выпись из промышленной книги Дружины Трубникова 1640/1641 г. Архив СПбИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 30. Л. 1; Выпись из записной книги Дружины Трубникова 1640/1641 г. Архив СПбИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.

Выпись из промышленной книги расшифровать значительно проще. Здесь сведения о количестве собранных соболей и пупков приведены в таблицах из двух столбцов и двух строк, где в первом столбце помещены буквенные обозначения десятков (не более 3), а во втором - единиц. Учет пушнины в XVII в. в Сибири велся в сороках. «Сорока» - это чехол, мешок, содержащий обычно 40 шкурок пушного зверя (преимущественно соболя), подобранных по качеству меха, предназначенных для шитья одной полной шубы⁸. Именно поэтому, в первом столбце таблиц мы не находим больше трех десятков. В нижней строке, предположительно, указывалась количество сороков, а в верхней остаток, не составивший 40.

Тетрадь	Запись в документе	Расшифровка
1	і и соболей, и пупков д д	178 соболей, 168 пупков, 2 пластины, 5 лисиц красных, а в том

⁶ Словарь русского языка XI -XVII вв. Вып. 15. М., 1989. С. 74.

⁷ Там же. Вып. 21. М., 1995. С. 46.

⁸ Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 2002. Вып. 26. С. 18.

		числе один соболь без хвоста.
2	л е соболей, л ф пупков з з	315 соболей, 319 пупков, 4 пластины, 4 лисицы красные, да в том же числе десять соболей без хвостов.
3	г соболей, л е пупков г г	123 соболя, 155 пупков.
4	д соболей, л з пупков е е	204 соболя, 237 пупков.
5	і а соболей, і и пупков д д	171 соболь, 178 пупков.

В документе указано общее число собранной пушнины по видам (отдельно соболя и отдельно пупки), что позволяет проверить нашу гипотезу о расшифровке таблиц. Подсчеты пупков по таблицам совпадают с общим числом, собранных пупков, указанным на обороте грамоты: «118 сороков 39 пупков соболях» или 4759 шкур. Подсчеты соболиных шкур с хвостами различаются: на обороте указано, что всего собрано 116 сороков 35 соболей. За вычетом 13 шкур без хвостов получается 4662 соболя. Однако сумма таблиц дает 4705 шкур.

Расшифровать подсчеты в выписи из записной книги гораздо сложнее, поскольку в ней речь идет не о пушнине, которая исчислялась сороками, а о деньгах и муке.

Тетрадь	Запись в документе	Расшифровка
1	л д м в	42 рубля 30 алтын, 4 деньги

Для расшифровки подсчетов, приведенных в выписи из записной книги, были использованы материалы, опубликованные П.И. Савваитовым⁹. Благодаря тому, что в источнике указано общее количество собранных за 1640/41 г. денег, верность подсчетов удалось проверить. Сумма данных, приведенных в десяти таблицах, совпала с итоговой суммой, указанной в документе.

М.Е. Проскуракова

«Выбор» в крестьянские старосты в Олонецком уезде 1670—1680-х гг.: Формуляры актов об избрании

«Выбор» (акт об избрании) — это публично-правовой акт, ручательство крестьянского мира перед государственной властью за человека, избранного на земскую должность (М. М. Богословский). В первой половине XVII века акты об избрании открывались перечнем имен избирателей, за которым следовала констатация факта о проведении выборов, а также статьи о взаимных обязательствах сторон — избранного и избирателей. Согласно анализу М. М. Богословского, в 1620–1650-е гг. «выбор» включал в себя семь смысловых частей: (1) перечень избирателей; (2) обозначение действия избрания; (3) срок полномочий; (4) права и обязанности избранного; (5) обязательства избирателей; (6) подпись лица, писавшего акт; (7) дату. М. М. Богословский анализируя формуляр «выбора» 1620–1650-х гг., пришел к заключению о его «застывшей форме», медленном проникновении в него новых элементов, медленной замене старых элементов на новые.

Исследование олонечких актов за 1670–1680-е гг. (изученный комплекс включает в себя 180 «выборов») показало, что во второй половине XVII в. произошла трансформация формуляра «выбора», и он заметно усложнился. В изученном комплексе документов сравнительно небольшая часть (всего 35 актов из 180) составлено по формуляру, описанному М. М. Богословским. Установлено, что уже в актах за 1675 г. фиксируются преобразования в последовательности смысловых частей, а также появляются новые статьи: разъяснение, по чьему указу проведены выборы, и описание условий для санкций и самих санкций. Эти изменения по-новому расставили акценты в «выборе», изменили его посыл. В прежнем формуляре в фокусе внимания находились

⁹ Савваитов П.И. Русский денежный счет в XVI и XVII столетиях // Записки императорского археологического общества. Т. 11. СПб., 1865.

избиратели, которые собрались на сход и сделали свой выбор. В новом формуляре на первое место было вынесено разъяснение, что выборы проведены во исполнение распоряжений государственных властей.

В акты об избрании 1680-х гг. помимо перечисленных статей включена еще одна новая статья: статья о процедуре избрания старосты и условиям избрания. Принципиально новой является часть с требованием к старостам, которые слагают с себя полномочия, организовать сход, собрать представителей как можно большего числа дворов и провести избрание нового старосты. В 1680-е гг. описанный формуляр стал широко использоваться составителями актов. Именно по нему написано подавляющее большинство дошедших до нас «выборов» волостных старост Заонежских и Лопских погостов. Из 180 изученных актов 35 документов составлено по формуляру, проанализированному М. М. Богословским, 20 близки к нему, но содержат незначительные отличия, и, наконец, 125 актов составлены по формуляру нового вида. При этом установлено, что усложненный формуляр характерен для поздних по времени создания актов.

Выяснено, что не позднее 1670-х гг. произошла трансформация формуляра «выбор». Преобразования связаны с усилением давления региональной администрации на локальные общины. На всех этапах смены земской власти прослеживается ведущая роль воеводы. Процедура открывалась отпуском наказной памяти, которая шла от имени воеводы на имя действовавшего старосты и содержала повеление собрать жителей на сход и провести выборы. Воевода направлял из Олонца в погосты служащих приказной избы и даже стрельцов для контроля за исполнением наказов. Приказные подьячие нередко присутствовали на волостных сходах и, по-видимому, выступали консультантами для волостных писцов в части составления «выборов» и внесения в них новых статей (которые отсутствовали в актах 1620–1650-х гг.). Формулы с требованиями о проведении схода и порядке отправления старостами полномочий содержались в наказных памятях и оттуда были перенесены в акты об избрании.

Т.А. Базарова

«И к бабке не ходи...»: тайна смерти гвардии капитана Ивана Горохова

Для того чтобы понять о том, как жили люди в петровскую эпоху, кто осуществлял замыслы Петра на местах, конечно, изучения биографий выдающихся деятелей того времени недостаточно. Биография гвардии капитана Преображенского полка И.И. Горохова — как и многих других деятелей Петровской эпохи «второго плана» — содержит немало «белых пятен». Между тем разрозненные факты содержатся в различных опубликованных и архивных источниках. Петровские офицеры выполняли разные задания, связанные с военной службой, административным управлением, судебными делами и дипломатией. Иван Горохов, как и многие его современники служил государю там, куда его посылали: воевал, обеспечивал доставку леса, организовывал карантинные заставы, выполнял дипломатические поручения. В 1720 г. он возглавил Публичное отделение Коллегии иностранных дел. Продолжить карьеру ему не удалось: при подозрительных обстоятельствах капитан скончался.

В АВПРИ хранится «Следственное дело о пожитках гв. кап. Горохова с племянником его Соковниным...». Оно состоит из двух основных частей 1) описание имущества; 2) расследование гибели гвардии капитана. Документы из следственного дела не только позволили уточнить детали биографии и родственные связи. Помимо имущества описали и бумаги И. Горохова. В их числе были два указа, подписанные Петром I — от 17 июня и 12 июля 1713 г. Оба они опубликованы в ПИБ (Т. 13. Вып. 2), но не по подлинникам: первое одно по копии XIX в., а другое по собственноручному черновику царя. Установлено, что в конце XIX в. в распоряжении Комиссии по изданию писем и бумаг Петра Великого были оригиналы. Их дальнейшая судьба неизвестна.

Поскольку И. Горохов скончался при подозрительных обстоятельствах, по его вскрытие поручили Лаврентию Блюментросту, который определил, что капитана отравили. Следствие установило, что занемогший И.И. Горохов вместо врача обратился к бабке Прасковье, которая зарабатывала на жизнь тем, что ходила по дворам и лечила женщин от желудочных болезней, а иногда и их мужей от почечуя (геморроя). Она сварила для И. Горохова почечуйную траву, однако в лекарство попал белый купорос.

Вводимые в научный оборот материалы имеют отношение не только к истории развития следственных практик, но и содержат информацию о повседневной жизни людей Петровской эпохи.

Счетная книга И.И. Шувалова 1755-1761 г. (к истории создания Московского университета и Академии художеств)

Счетная книга И.И. Шувалова за 1755–1761 г. была обнаружена мной в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, где она хранится как «Приходо-расходная книга по Академическому университету и по Академии художеств. 1755–1760», хотя к Академическому университету, существовавшему в Петербурге при Академии наук, не имеет отношения. Книга заполнялась рукой протоколиста М.А. Ильина, которого Шувалов имел при себе «для переписки набело по университету и по корпусу дел»; приход и расход сумм погодно заверен Шуваловым. По-видимому, документ был подготовлен при передаче им 22 марта 1761 г. полномочий по заведованию университетской казной асессору А.Н. Кожину, а в архив Академии наук попал через В.Е. Адодурова, 17 декабря 1762 г. представлявшего в Сенат доношение о финансовых нарушениях, допущенных Шуваловым. В настоящее время документ подготовлен к изданию и выйдет в журнале «Исторический архив» в 2022 г.

Счетная книга пересекается по содержанию с частично опубликованной П.Н. Петровым в 1864 г. Но, во-первых, публикация Петрова содержит обширные купюры, относящиеся к истории Московского университета. Во-вторых, то ли вследствие махинаций или небрежности самого Шувалова, то ли вследствие ошибок публикатора, между приведенным Петровым и найденным в СПбФ АРАН вариантами Счетной книги имеется множество расхождений. Они начинаются уже с первой цифры прихода за 1758 г.: в «Сборнике материалов...» указано 600 руб., в найденной – 6000 руб. Наконец, осуществляемая публикация снабжена обширным современным научно-справочным аппаратом, в котором аккумулированы и актуализированы сведения буквально по каждой упоминаемой в счетной книге персоналии, причем биографические сведения об учениках и студентах дополнены новыми данными, в т.ч. извлеченными из архивов.

Личность Шувалова сыграла большую роль в создании Московского университета и Академии художеств. Публикуемый документ показывает свободу обращения Шувалова с институциональными и территориальными границами для достижения своих целей, без чего столь быстрое развитие новых учебных заведений в первые годы их существования оказалось бы невозможным. Многочисленные детали, отраженные в Счетной книге, несмотря на накопленный исследователями богатый фактический материал, относящийся к этому периоду существования как Московского университета, так и Академии художеств, дополняют общую картину истории этих учебных заведений.

Не вошло в публикацию, но будет представлено в докладе разъяснение истоков историографического мифа об учебе И.И. Шувалова в Гимназии Академии наук.

С.Н. Искюль

«Маленькое хозяйство» российских государей в Германии и его судьба

Выступление посвящено факту включения «сенъории» Евер на северо-западе Германии в состав Российской империи. Причиной тому явились завязанные в прошлом династические связи, которые присоединили Евер к герцогству Анхальт-Цербст. Это имело место в 1667 г., но, в нарушение традиции, поскольку Евер был передан как приданое по женской линии. Впоследствии, уже в XVIII в. в Евере правили принцы и принцессы Анхальт-Цербстские, и среди них Фридрих-Август, а затем и его сестра – Фридерика София Августа, которая в то время уже была полновластной российской императрицей. Последняя, так сказать, «поручила» Евер своей золовке, вдовствовавшей принцессе Анхальт-Цербстской, что имело место в 1793 г., и с тех пор Евер управлялся от имени Екатерины II.

Таким образом, с 1793 г. Евер просуществовал в составе Российской империи ряд лет, пока, наконец, его судьбой не распорядился Александр I, который отказался от этого владения в пользу своего дяди, Петера Фридриха Людвиг герцога Ольденбургского.

Об этом сюжете династической и внешнеполитической истории дается представление впервые.

Н.А. Агеева

Документы о раскопках в 1826 году Десятинной церкви в Киеве

Указанные документы хранятся в отделе рукописей БАН в собрании выдающегося филолога и палеографа И. И. Срезневского. Это неизученное дело, куда вошла переписка А.Н. Оленина, президента Академии художеств, который выступил с инициативой

проведения экспедиции по открытию фундаментов Десятинной церкви в Киеве и архитектора Н.Е. Ефимова, который после окончания Академии художеств остался преподавать в Академии, а в 1826 году был отправлен на освидетельствование фундаментов Десятинной церкви.

Годом ранее этих событий, в 1825 году, в «Отечественных записках» был опубликован план Десятинной церкви, созданный археологом-любителем К. Лохвицким. Этот план был подвергнут жесточайшей критике не только его современниками, но и археологами более позднего времени. Поэтому для того, чтобы определить степень сохранности фундаментов в Киев был отправлен Н.Е. Ефимов.

Работы архитектором были проведены, в своих отчетах он подробно описал остатки фундаментов и наличие артефактов, найденных на месте раскопок, что вызвало искреннее расстройство К. Лохвицкого, которое стало мотивом для написания на Н.Е. Ефимова донос. Вынужденный оправдываться, архитектор вступил в активную переписку с А.Н. Олениным. Итоговым завершением этих раскопок должно было стать восстановление Десятинной церкви, которое произошло не в «первобытном», а совсем в ином виде.

Проект восстановленной церкви Н.Е. Ефимова не был одобрен императором Николаем I и иной проект выполнял уже архитектор В.П. Стасов, который создал его без каких бы то ни было отсылок к старому зданию.

Тем не менее, церковь по проекту В.П. Стасова была построена, но позже, в XX столетии уничтожена.

Последние раскопки фундаментов Десятинной церкви были произведены в 2005 году.

А.А. Ефимов

Создание правил пользования водопроводами в дворцовых городах в конце XIX века

Представляемое сообщение посвящено одному из аспектов деятельности Министерства императорского двора по управлению дворцовыми городами Царским Селом, Петергофом и Гатчиной.

Несмотря на то, что исследования по истории российских городов занимают значимое место в исторической науке, указанные населенные пункты, находившиеся на особом положении, обойдены вниманием специалистов в части изучения истории их развития именно как городских организмов. Одной из таких проблем является история возникновения в каждом из дворцовых городов нормативных актов, призванных регламентировать стоимость первичного подключения потребителей к водопроводу, варианты обслуживания оборудования и схемы оплаты предоставляемых услуг. Хотя общегородской водопровод в Царском Селе и Петергофе возник почти одновременно, правовое оформление взаимоотношений с потребителями состоялось только в первом. Оно охватывало лишь основные вопросы, однако имело определенную гибкость и открывало возможность пользоваться водой всем горожанам за умеренную плату или вовсе бесплатно. В свою очередь, для устроенного спустя несколько лет Гатчинского городского водопровода специальные правила пользования были разработаны одновременно с его запуском. Эти нормативы были более формализованы, чем действовавшие в Царском Селе, а по содержательной части строже к потребителям в монетарном отношении. В свою очередь в Петергофе подготовкой правил действительно занялись лишь в середине 1890-х гг., когда специальная комиссия в течение трех лет анализировала опыт как столицы, так и двух других дворцовых городов, а также проводила оценку и анализ данных о потенциальных потребителях и возможных сборах. В результате в середине 1897 г. была принята первая редакция Правил о пользовании водою из Петергофского водопровода.

И.А. Левинская

Манумиссия Таллусы (Newton CLXXX, КБН 74)

В Британском музее среди памятников, вывезенных англичанами в 1856 г. из Керчи, находится небольшая прямоугольная плита из белого мрамора (в. 18,4 см; ш. 17 см; т. 3,5

см), на которой выбита манумиссия. Плита обломана снизу, сверху справа имеет скол. Часть букв в последней строке сейчас не видны из-за того, что надпись неаккуратно прикреплена к постаменту и закрыта скрепляющим веществом.

Надпись вырезана на лицевой стороне без линеек. Стиль письма: лапидарный и весьма небрежный. Омикрон имеет овальную форму, его размер колеблется. У некоторых тет отсутствует поперечная черточка. Сигма лунарная, эpsilon прямоугольный, омега курсивная. Высота букв: 1–1,2 см.

Русский перевод:

В царствование царя Савромата, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, в году < >, месяце Даисии < >, богине Ма и Деве Хрестус, сын Косса, сына Менандра, и жена Хемата, жрица (?) посвятили Фаллусу, нашу вскормленницу, при условии проживания с нами, после же нашей жизни быть ей свободной под попечением Зевса, Геи и Гелиоса, неприкосновенной и необижаемой ни мною, ни каждым наследником, жить же ей...

В надписи упоминается царь Савромат, однако резчик пропустил цифровое обозначение года и число месяца. Учитывая, что четыре боспорских царя носили имя Савромат, исследователи, опираясь на палеографические особенности надписи в соответствии со своими представлениями о развитии боспорской палеографии, датировали ее царствованием Савромата II (173/4—210/1) (Ньютон, Латышев, Фрей, КБН), Савромат III (229/30—231/2) (Кальдерини), Канья считал равновероятным принадлежность манумиссии ко времени Савромата I (93/4—123/4, Савромата II и Савромата III. Палеографически датировка временем Савромата II представляется наиболее обоснованной. Однако В. П. Яйленко обнаружил в надписи точную датировку: 110 г. н. э.

Из всех публикаторов надписи ее видел только Ньютон, все остальные пользуются его изданием, в котором отсутствуют фотографии. А. И. Доватур и Д. П. Каллистов, подготовившие к публикации в КБН эту надпись видели ее фотографию (к сожалению, не очень высокого качества). Их прочтение надписи лишь в незначительных деталях отличается от предложенного Ч. Ньютоном. Ту же фотографию видел и В. П. Яйленко, который предложил значительное количество новых чтений, на правдоподобности которых пагубным образом сказалось отсутствие аутопсии.

После беты в $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\omicron\upsilon\varsigma$ Яйленко разглядел «обычный знак сокращения S», после чего цифры $\nu\zeta' = 407$ б. э. = 110 г. н. э., таким образом, он предположил, что слово $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\omicron\upsilon\varsigma$ было сокращено. Между тем, в боспорских надписях нет ни одного примера сокращения этого слова, входящего в царскую титулатуру. Более того, подобное сокращение характерно для византийского времени, а никак не для начала II в. н. э. Также Яйленко никак не объясняет тот факт, что предложенное им чтение не соответствует боспорской традиции постановки даты: перед годом цифры ставятся в выражении $\epsilon\nu\ \tau\tilde{\omega}\ \dots$ $\epsilon\tau\epsilon\iota$ но при родительном падеже $\epsilon\tau\omicron\upsilon\varsigma$ всегда после (см., например, КБН 73, 985, 986, 1123, 1126). Обследование камня в лапидарии Британского музея показало, что предложенное Яйленко чтение является плодом его фантазии: на плите выбито легко читаемое $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\omicron\upsilon\varsigma$.

Все остальные предложенные Яйленко чтения и восстановленная последняя строка надписи также не находят своего подтверждения при исследовании надписи не по фотографии, а вживую.

М.В. Друзин

Два дневника генерал-лейтенанта Николая Афанасьевича Обручева, 1914–1916 гг.

Большую часть жизни Николай Афанасьевич Обручев (1864-1929), племянник начальника Главного штаба Н. Н. Обручева и троюродный брат академика В. А. Обручева, вел дневник. Однако до нас дошли его дневники только периода Первой мировой войны. В годы войны начальник 1-й Финляндской стрелковой дивизии Н. А. Обручев вел параллельно два дневника: один – ежедневный, размером с карманную записную книжку, куда он каждый день заносил краткие записи, ограничивая себе одной страничкой, другой – литературный, имеющий свое

название: «Что видел и слышал на войне». Первый дневник хранится в РГВИА в личном фонде военного министра А. А. Поливанова, второй — в РГИА, в фонде 1102 «Документы разных лиц, изъятые из сейфов частных банков и кредитных обществ, находившихся в Петрограде (коллекция)». Второй дневник состоит из 4 тетрадей и охватывает период лета 1914 – марта 1916 гг., начало же его ведения можно отнести к ноябрю 1914 г.

Записи второго дневника представляют собой малые и большие рассказы или эссе, иногда даже анекдоты, на разные темы военной и фронтовой жизни, в которых запечатлены и личные переживания автора. Они, за редким исключением, не датированы, но из содержания записи день ее создания устанавливается довольно точно. Заметки хронологически могут охватывать несколько дней и даже недель. Регулярность ведения литературного дневника, очевидно, обуславливалась затишьем на фронте и высвобождавшимся временем. Представляется, что несколько записей могли заноситься в дневник в один день. Носили они проблемно/тематически-хронологический характер, так что описываемые в них события не привязаны к хронологии создания самой записи. Некоторые из них датируются самим автором, и таким образом выступают реперными точками.

Дневник-календарь за 1916 г. представляет собой изданную типографским способом «Карманную записную книжку» «День за днем» на 1916 г. издания Отто Кирхнера. Формат такой книжки 16*10 см. Каждая страница обозначена датой. И на эту страничку Н. А. Обручев и помещал запись за день. Ее он заполнял ежедневно за редкими исключениями, с 1 января по 31 декабря 1916 г. Нельзя сказать, что записи в ней носят, например, только военный или только личный характер. Это обычный дневник, в котором кратко отражены самые важные для автора происшествия за день. Есть там и описания, и переживания. Но они лаконичны. Безусловно, Н. А. использовал этот (и книжки за предыдущие года) дневник для написания литературного. Главное достоинство дневника-календаря – абсолютная привязка к датам. В этом смысле он очень ценен для характеристики того же «Брусиловского прорыва», других военных действий.

Дневник-календарь выступил основой литературного дневника. Хотя очевидно, что при написании последнего использовались также личные и официальные письма, текущее военное делопроизводство. Н. А. Обручев выбирал из записей дневника-календаря сквозные сюжеты и давал их в пространным варианте в литературной обработке. Надо отметить, что если в дневнике-календаре автор неоднократно упоминает о ведении другого дневника, литературного, то в последнем ни одного упоминания о дневнике-календаре нет. Это говорит о том, что литературный дневник должен был стать самостоятельным произведением. Вместе с тем, оба дневника уникальны, самодостаточны и самоценны. Они дополняют друг друга, но заменить не могут.

Ю.Б. Фомина

Судьба бумаг Евгения Францевича Шмурло

Евгений Францевич Шмурло — историк, член-корреспондент Российской академии наук, профессор Санкт-Петербургского и Юрьевского университетов; основатель и председатель «Русского исторического общества в Праге», член совета и ученой комиссии Русского заграничного исторического архива.

В ноябре 1903 года он был избран на должность учёного корреспондента Академии наук в Риме, которую занимал более 20 лет, переизбираясь в 1908, 1913 и 1917 годах. После начала Первой мировой войны Е. Ф. Шмурло приехал в Россию, а в конце 1916 г. вернулся в Италию к исполнению обязанностей ученого корреспондента в Риме. Как оказалось, это был его последний визит в Россию. Уезжая, Е.Ф. Шмурло оставил в Петрограде на хранение часть своих бумаг, намереваясь забрать их позднее. Однако после революции 1917 г. он остался в эмиграции. В начале 1920-х гг. эти материалы оказались у неперменного секретаря АН С. Ф. Ольденбурга и хранились в его кабинете в Академии наук. На заседании Президиума АН 16 окт. 1925 г. было принято решение о передаче чемодана с научными рукописями и материалами Е.Ф. Шмурло «для вскрытия и изучения» в Постоянную историческую комиссию, члены которой составили опись бумаг и предметов, принадлежащих историку. После слияния в 1926 г. двух комиссий Постоянной исторической и Археографической в Историко-Археографическую комиссию при Академии наук, и последующих преобразований, эти материалы оказались в архиве Историко-Археологического института, а позднее — в Архиве ЛОИИ.

В ГАРФ хранится личный фонд Е. Ф. Шмурло, вывезенный после Великой отечественной войны из Праги в составе Русского заграничного исторического архива, который частично пересекается с документами из Архива СПбИИ РАН. По объему он много больше, чем небольшой комплекс бумаг Е. Ф. Шмурло, оставшихся в Петрограде. В них отразились в основном его научные занятия и интересы в предреволюционные годы, в частности истории петровской эпохи. Несмотря на то, что сотрудники ЛОИИ не раз проявляли интерес к этим материалам, они так и не были описаны.

М.Н. Румынская

Подготовка публикации дневников архивиста-палеографа Николая Васильевича Тимофеева (1869–1942)

С 2019 г. около трех лет идет подготовка к публикации дневников Николая Васильевича Тимофеева (1869—1942), архивиста-палеографа, археографа, библиографа, коллекционера, бывшего сотрудника ЛОИИ (1936–1939). В 2018 г. наследниками были переданы в СПб институт истории РАН оцифрованные копии дневников с условием их публикации. После издания оригиналы дневников будут переданы в Архив СПбИИ РАН. Всего 20 книг с 1902 по 1937 г.

Подготовка одного из дневников, первого 1902 г., к изданию была начата еще Еленой Алексеевной Савельевой, сотрудником БАН, внучкой Н.В.Тимофеева в 2016 г.

Н.В.Тимофеев, уроженец с. Стояньево Московской губернии, 1885 г. приехал в Петербург, поступил рабочим на склад изданий Общества любителей древней письменности. Получив частное образование, сдал экзамены при VI гимназии, получив диплом об ее окончании. Самостоятельно изучил французский, немецкий, итальянский и английский языки, библиотечное дело, палеографию. С 1899 по 1917 г. заведовал личным архивом председателя ОЛДП С.Д.Шереметева. Дневник он начал вести во время путешествия с семьей С.Д.Шереметева по Италии, Франции и Германии. В дневниках дореволюционного периода отражены подробно события в семье С.Д.Шереметева, т.к. Н.В. летом выезжал с семьей графа в имение Михайловское под Москвой и был прямым свидетелем всего, что происходило в семье графа, вел личную переписку С.Д.Шереметева. Много внимания в дневниках уделено работе Общества любителей древней письменности и его издательской деятельности, Археографической комиссии. В 1916 г., высоко оценив работу Н.В. в области палеографии и археографии, Археографическая комиссия избрала его своим сотрудником. Дневники послереволюционного периода в основном посвящены работе Библиотеки Академии наук, Историко-археографической комиссии, Историко-археографического института и Ленинградского отделения института истории.

Впечатления и раздумья о политических событиях, происходивших в России и за рубежом, также нашли отражение в дневниках Н.В.Тимофеева.

Дневники открывают и события личной жизни: забота о родителях, рождение дочерей, выбор учебных заведений и занятия с частными преподавателями, трудности, возникавшие в связи с поступлением дочерей в высшие учебные заведения. Подробно отражен в дневниках 1917–1923 гг. период работы Н.В.Тимофеева хранителем библиотеки и рукописей в бывшем имении Шереметевых в Михайловском с 1917 по 1920 г., а затем в течение трех лет на родине, в Стояньевском районном сельсовете,

Ежегодно Н.В. вел записи семейного бюджета: расписана стоимость продуктов питания, цены на промышленные товары, расходы в двух зарубежных поездках и т.д.

На данный момент все дневники (1902-1937) расшифрованы, подготовлен электронный набор (объем составляет 40 а.л.), идет работа над именованным словариком. Для завершения подготовки к изданию дневников необходимо составление комментариев.

Е.К. Пиотровская

Из истории одного из первых заседаний Ученого Совета СПб ИИ РАН, посвященных академику Николаю Петровичу Лихачеву

В прошедшем 2021 году в период волнообразной повторяющейся коронавирусной эпидемиологической жизни и административно-приказной изоляции от архивов и библиотек, одной из тем, над которой можно было сосредоточить внимание, была и тема,

связанная с историей нашего Института и отдаением памяти ученым, которые составили славу отечественной науки XIX-XX вв.

Напомним, что именно в 2022 году исполняется 160 лет со дня рождения Николая Петровича Лихачева (1862-1936) и 85 лет со дня рождения Ольги Петровны Лихачевой (1937-2003).

30 ноября 1982 года в зале заседаний СПб ИИ РАН (тогда ЛОИИ СССР АН СССР) состоялся первый в нашем учреждении Ученый Совет, посвященный 120-летию со дня рождения академика Н.П. Лихачева. Он прошел спустя много лет после смерти Николая Петровича в его Доме на Петрозаводской, д. 7, среди архивных и книжных коллекций, которые ученый оставил России. Следует отметить, что 100-летний юбилей Николая Петровича запомнился в городе и в Академии Наук торжественным заседанием в Эрмитаже вместе с коллегами нашего Института, тогда находившегося в здании БАН СССР (о том, что научная общественность помнила о наследии Н.П. Лихачева, свидетельствовала устная традиция, которую передавали ученые, выжившие после Отечественной войны, своим ученикам и родным). В эти же годы академик А.В. Арциховский принял смелое решение и в «Советской археологии» была опубликована статья о Николае Петровиче, в которой основное внимание уделялось его сфрагистическим изысканиям. Ее подготовил В.Л. Янин. Многие годы также длилось и музейное описание коллекций византийских печатей, переданных в Эрмитаж перед войной после многочисленных реорганизаций Музея Палеографии, созданного Николаем Петровичем.

Прошли годы. И только, когда в нашем Институте был создан «Отдел изучения и публикаций исторических источников», фундаментом которого был уникальный Архив, по инициативе нового руководства решено было устроить памятное заседание Ученого Совета и пригласить, как можно больше участников и слушателей.

Сохранился один из 4-х экземпляров стенограммы заседания, которая была выполнена Стенографом Э.В. Толза из Ленинградского Бюро съездовых стенографов и машинописи, находившихся на Лиговском проспекте (объем стенограммы – 101 машинописная страница).

Обращение к тексту стенограммы представляет несомненный источниковедческий интерес. Доклады, заслушанные на заседании, были посвящены обширной научной и коллекционерской деятельности Н.П. Лихачева. Из 20 докладчиков в настоящее время здравствуют только 4 человека: Б.Б. Дубенцов, Ю.А. Пятницкий, А.А. Турилов, Н.В. Чиркина. Принять участие в заседании захотели не только ученые ЛОИИ, но и коллеги нашего города и москвичи.

Заседание открыл В.А. Шишкин, а вел его М.П. Ирошников. Прежде всего в программу вошли доклады, посвященные архивному наследию западноевропейских коллекций ученого, хранящиеся в нашем Архиве, пласт русских коллекций, включающий богатый нарративный материал разных документальных жанров. Был представлен исторический обзор коллекций икон в собрании Государственного Русского Музея. Заслушаны были доклады и по истории коллекций дальневосточной письменности. Уделено было внимание и сирологии. Особенно важными были доклады по истории вспомогательных исторических дисциплин, связанных с моливдовулами греческого Востока, русской сфрагистикой, филиграноведением. Среди выступавших выделялись и доклады по изучению конкретных памятников искусства из разных коллекций. Так, один был посвящен наследию последнего русского книгописца XX века И.А. Блинова, а другой – памятнику Золотой Наводки. Среди выступавших докладчиков были 3 человека, которые хорошо помнили Н.П. Лихачева, были его слушателями и участниками занятий в Музее. Это – О.И. Подобедова, К.Н. Сербина, И.М. Дьяконов.

Выступала на этом заседании и О.П. Лихачева. Она рассмотрела многие стороны коллекционерства своего деда, подчеркнув, что: «Коллекционерство Н.П. Лихачева – это творчество. Это научная теория и вдохновенная поэма».

Во время заседания был объявлен перерыв, чтобы возложить цветы к мемориальной доске на Нашем Доме и осмотреть выставки архивных и библиотечных сокровищ Н.П. Лихачева.

Где же можно искать еще 3 экземпляра Ученого Совета, возможно, один находится в СПб Филиале Архива РАН (во время заседания сотрудник Архива просил предоставить им один экземпляр стенограммы). А другие? Интересно, что в нашем Архиве, среди сохранившихся научно-организационных дел есть машинопись стенограммы этого Совета. Но она представляет собой перепечатку, исправленную и дополненную, объем с меньшим количеством листов и т.д.

Когда она была перепечатана; кем; какой из четырех экземпляров, выполненных 30 ноября 1982 года, лег в основу; кто внес правку?

Таким образом, Ученый Совет 1982 года был прологом к последующим юбилейным заседаниям, выставкам в Русском Музее, Эрмитаже, Российской Национальной Библиотеке, изданным каталогам и отдельным специальными исследованиями памятников письменности «всех времен и народов», завещанных нам Николаем Петровичем Лихачевым.

Г.Н. Азизова

Исследование железистых и железо-галловых чернил на анализаторе Крона

Для приготовления чернил на Руси использовали 2 источника танинов: кору ольхи, дуба и галлы, образующиеся из ткани дубового листа. Галлы употребляются целиком вместе с насекомым. Кора и листья растений отличается от других его частей высокой зольностью. Зола коры содержит больше солей кальция, но меньше солей калия, в листьях дуба – больше солей калия и меньше кальция. Все растения, образующие танины, накапливают повышенное количество марганца. Технология изготовления чернил предполагает максимальное извлечение экстрактивных веществ. Сведений по минеральному составу компонентов чернил в литературе не много.

Цель работы определить, какие различия существуют в элементном составе компонентов чернил и можно ли их использовать для распознавания природы чернил.

На данном этапе исследованы образцы коры ольхи, дуба, галлов, листьев дуба и 3 типов чернил на тряпичной бумаге (из коры ольхи, галловых орешков и «смешанные» из коры и орешков одновременно).

Представлены результаты по 5 элементам. Повышенное содержание кальция и небольшое количество калия отмечено в коре ольхи и дуба. В листе дуба и орешке содержится большое количество калия и меньшее - кальция. Марганца больше находится всего в коре ольхи, а в орешке его количество меньше, чем в других пробах. По образцам с чернилами получены результаты суммарного количества элементов в бумаге и чернилах, тряпичная бумага имеет свой элементный состав, который зависит от сырья и способа ее изготовления. В железо-галловых чернилах наблюдается меньшее количество кальция и марганца, добавление в них купороса сказывается на концентрации железа и особенно серы, это их отличительная особенность. В чернилах «смешанного» типа, несмотря на использование купороса, концентрация железа и серы меньше, чем в железо-галловых. В чернилах с танинами ольхи содержится больше марганца, чем в других.

Полученные данные свидетельствуют что, однозначно определить природу чернил по этим параметрам будет трудно, но они могут быть полезны в работе по сохранению текстов.

Е.М. Шепилова

Эффективность промывки бумаги документов на вакуумном столе

Промывка бумаги документов является одним из важнейших реставрационных процессов, в результате, которого происходит не только удаление загрязнений, но и продуктов старения бумаги, которые являются источником избыточной кислотности документов, её пожелтения, а также они катализируют процесс дальнейшей деструкции целлюлозы [1].

Традиционно промывка бумаги документов осуществляется методом полного погружения документа в кювету с моющим раствором, будь то вода спиртоводный раствор или растворитель. Документы с водонестойкими носителями информации обычно промываются методом тампонирования на фильтровальной бумаге, процесс медленный и недостаточно продуктивный [2,3].

Использование вакуумного стола значительно ускоряет этот процесс, делает его более результативным, т.к. помимо практически полноценной промывки происходит расправление бумаги документа. Большим достоинством вакуумного стола является возможность реставрации руинированных документов при минимальном количестве манипуляций

Эффективность промывки бумаги на вакуумном столе оценивалась по изменению цветности и кислотности бумаги после её промывки дистиллированной водой на вакуумном столе в сравнении с традиционным методом: промывка полным погружением в кювету с водой.

Для исследования были взяты образцы бумаги: один образец писчей бумаги XX века, сильно клееная из древесной целлюлозы, и два образца XIX века, слабо клееные из тряпичного волокна голландского производства с филигранью ProPatria и российского производства с филигранью «КОМЕРЦ».

Изменение кислотности бумаги определялось по изменению pH бумаги после промывки относительно её pH до промывки, измерявшегося контактным методом с поверхности бумаги pH-метром «Hanna».

Аналогичным образом определялось изменение цветности бумаги, измерения проводились на спектрофотометре «NoviColor» и обрабатывались с помощью программного обеспечения «NoviColor».

Анализ полученных данных показал, что промывка на вакуумном столе образцов слабо клееной бумаги из тряпичного волокна не менее эффективна, чем традиционная промывка полным погружением в кювету с водой. Эффективность промывки сильно клееной бумаги на вакуумном столе значительно ниже, чем традиционным способом. Это связано с пониженной фильтрующей способностью сильно проклеенной бумаги.

Литература

1. Андреева К.И. Реставрация книг и документов на бумажной основе // Труды лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. / Хранение и реставрация документов: методические рекомендации. СПб.: «Реликвия», 2008. С. 147-166.
2. Удаление желтизны и загрязнений на бумаге промывкой // Реставрация произведений графики: Методические рекомендации. М.: ВХРНЦ им. И.Э.Грабаря. 1995. С. 39-44.
3. Промывка документов // Реставрация документов на бумажных носителях: Методическое пособие. М.: ВНИИДАД. 1989. С. 60-63.

Ю.П. Баскакова

Проблемы оцифровки

В современном мире цифровые технологии всё шире и глубже входят в нашу жизнь, в том числе в вопросе сохранения культурного наследия. Оцифровка памятников культуры очень важна, т.к. памятник подвержен разрушению, тем более памятники, выполненные на пергамене или бумажной основе. И к огромному сожалению, иногда сохранить память о памятнике можно только по средствам его цифровой копии. Таким образом оцифровка становится переводом реального физического объекта в цифровой файл. А дальше становится вопрос об объективности изображения, целесообразности изготовления и сохранения цифровых копий.

Начнем с объективности изображения. Большинство людей воспринимает окружающий мир через глаза, и то, что мы видим, мы считаем верным. Но у каждого человека светочувствительные клетки работают по-разному, а, следовательно, каждый видит по-своему, со своим искажением. Так же и в технологиях оцифровки каждый сканер и фотоаппарат видит, воспринимает, фиксирует и показывает своё изображение. Поэтому техника для оцифровки должна быть специализированной и профессиональной, а работать на ней должны специалисты, постоянно занимающиеся этим делом, для максимальной точности. Но всегда нужно помнить, что один специалист со своими светочувствительными клетками делает на одной и той же технике один и тот же документ, будь то книга, кодекс или грамота, от первого листа и до конца. Иначе возникнут разночтения в цифровых копиях не только из-за разности техники, но и потому что каждый человек видит объект по-своему. Но кроме настройки техники (свет, цвет, баланс белого, резкость и прочее) под окружающий мир для передачи точного изображения на матрицу у нас должна быть техника, на которой будет осуществляться просмотр изображений. Нужно учитывать, что все мониторы разные и под разные задачи (редактирование изображений, видеоматериалов, чтение текстов, просмотр фильмов, создание 3-d чертежей и т.д.), нужно уделять этому не меньшее значение, т.к. от этого будет зависеть что в конечном итоге будет видеть человек при просмотре. Из выше сказанного вытекает, что отбор цифровых копий одного архива, собрания, фонда, книги для демонстрации должен выполнять один человек с одного монитора, чтобы избежать разночтения в восприятии света и цвета.

Далее встают вопросы целесообразности оцифровки и что влечёт она за собой. Возможно ли оцифровать всё, что есть в конкретном архиве? А во всём институте, музее? В зависимости от размеров, но насколько необходимо подвергать все физические памятники световому и тепловому воздействию? Когда идёт речь о читальных залах и часто выдаваемых документах на руки, безусловно стоит. Это спасёт документ от дополнительного бережного и не очень обращения и продлит ему жизнь. Если памятник рассыпается и в скорости может быть потерян, ответ, конечно, однозначный. Но тут нужно очень серьёзно подойти к вопросу исследования и реставрации памятника перед оцифровкой и выбора способа оцифровки, т.к. можно провести съёмки в УФ и выявить то, что не видно уже человеческому глазу. Тексты тускнеют и исчезают вовсе, но с помощью современных технологий можно восстановить давно потерянный текст и посмотреть на него, не подвергая себя и свои глаза пагубному влиянию УФ-света, просто на экране монитора. Увидеть, как был написан текст, кем, а может это будет чья-то подпись, и провести исследование как смысла потускневшего текста, так и постараться выяснить причину, почему именно эти чернила выцвели. УФ позволяет увидеть затёки различного происхождения и следы биологических повреждений и скорректировать реставрационные мероприятия.

Так же для сохранности документов нужно свести к минимуму повторения оцифровок, т.к., не считая воздействия света и тепла, листы разворачивают, книги раскрываются максимально, чтобы весь текст или рисунок вошел в цифровую копию максимально правдиво. Поэтому должно быть прямое и полное взаимодействие хранителей документов и оцифровщиков во избежание повторения одних и тех же действий. В помещении, где проходит оцифровка должны быть соблюдены условия хранения, чтобы документ не подвергался агрессивной среде: влажности, высокой температуре, солнечному свету, плесени и бактериям.

Нужно понимать, что цифровые копии документов это краткосрочный файлы, с заведомо известным концом пользования, в отличии от физических памятников. Мир цифровых технологий постоянно меняется и развивается, меняются программы, коды, шифры. Встают вопросы, как сделать так, чтобы новые машины читали старые форматы файлов. Это то, за чем надо постоянно следить, когда создаешь фонд цифровых копий документов, чтоб постоянно актуализировать старые форматы в новые. Так же всегда

должно быть место не просто резервного копирования, а место, где хранится исходный файл (хранилище), который почти никогда не трогается, потому что при каждой перезаписи теряются буквы кода данного файла, выбиваются пиксели в изображениях, при некорректных открытиях и закрытиях можно вообще потерять файл, как источник информации. Поэтому он может только корректироваться под современные программы, чтобы дальше нести в себе верную информацию и возможность ею воспользоваться, если что-то случится с резервной копией, которая будет в постоянном обиходе. С хранилищами тоже не все просто, тот же жесткий диск может испортиться от падения, очень высокой или наоборот очень низкой температуры и данные будут потеряны, также для воспроизведения цифрового кода файла нужны программы и техника, на которых возможно просмотреть его. Корпоративные серверы очень зависят от сети, актуальности и финансирования, туда же относятся внешние серверы и банки хранения. Следовательно, нельзя цифровые копии рассматривать как полноценную замену физическому памятнику, а только как помощник его сохранения.